

Галина Беломестнова
За тебя никто не решит!

Таврида

Галина Беломестнова
За тебя никто не решит!

«ПЦ Александра Гриценко»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Беломестнова Г. А.

Таврида / Г. А. Беломестнова — «ПЦ Александра Гриценко», 2016 — (Таврида)

ISBN 978-5-906829-66-5

«За тебя никто не решит!» — повесть, основанная на реальных событиях, произошедших в наше время. Имена, фамилии героев и место действия изменены. Это повесть о непростом выборе, который ставит жизнь перед главной героиней. Судьба Таисьи складывалась благополучно: карьера, любящий муж, два сына, ухоженный дом. Но после решения родить третьего ребёнка мир, в котором она жила, разломился на две половины — до и после. «До» было солнечным, добрым, пронизанным счастьем, мечтами, «после» — скрыла тьма.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906829-66-5

© Беломестнова Г. А., 2016
© ПЦ Александра Гриценко, 2016

Содержание

Галина Беломестнова	6
Планы на будущее	7
Звонок издалека	14
Тревоги и сомнения	18
Праздник	20
Будни	23
Первая встреча	25
Накануне	28
Этого не может быть!	31
Поиск выхода	35
За грехи наши...	39
Монастырь	41
Перинатальный центр	43
Я никогда не стану прежней...	46
Кто вправе тебя судить?	49
Два взгляда на жизнь	53
Весна	57
Пасха	59
Стационар	60
День рождения	63
Так надо	68
Выбор	72
Встреча	78
Эпилог	80

Галина Беломестнова

За тебя никто не решит!

© Беломестнова Галина, 2016

© Интернациональный Союз писателей, 2016

* * *

Галина Беломестнова

Беломестнова Галина Алексеевна родилась в г. Балее Забайкальского края. По образованию медицинский работник. До 2001 г. работала главной сестрой Территориального Центра медицины катастроф в городе Чите. С 2001 года занимаюсь предпринимательской деятельностью в посёлке Жирекен Забайкальского края.

Писательским творчеством увлекаюсь с 2005 года. Член Общероссийской общественной организации «Российского Союза писателей», член Забайкальской краевой общественной писательской организации, кандидат в члены «Интернационального Союза писателей».

Издала сборник рассказов «Камарья» (2011 г.), сборник «Мухоморы, как лучшее средство от хандры», в который вошли избранные рассказы, легенды, сказки (2014 г.). Неоднократно печаталась во Всероссийском художественном журнале «Литературная галактика» г. Москва; в литературно-художественном журнале «Слово Забайкалья» г. Чита, в альманахе регионального отделения Русского литературного клуба «Мир слова». Печаталась в альманахах Национальной литературной премии «Писатель года 2013», «Писатель года 2014», в специальном выпуске альманаха «Российский колокол», посвященном лауреатам Московской премии. В 2015 г. в Издательстве Интернационального Союза писателей, в серии «Современники и Классики» издан роман «Тайна зачарованной земли», написанный в жанре фэнтези.

Награды:

Диплом за первое место в номинации «Легенды, были, сказы», в конкурсе «Галактический сезон 2011» г. Москва.

Диплом за первое место в конкурсе «Новая литература Забайкалья» в номинации «Авторский дебют» 2012 г. г. Чита.

Диплом за второе место в номинации «Новые сказки современного мира». «Галактический сезон 2013». г. Москва.

Лауреат Национальной литературной премии «Писатель года 2014» в номинации «Дебют» г. Москва.

В сентябре 2015 г. отмечена почетной медалью г. Москвы за вклад в российскую литературу.

Планы на будущее

Вечером, вернувшись с работы, Таисья вспомнила, что сегодня у младшего сына подруги день рождения. Досадуя на себя, она торопливо набрала номер:

– Здравствуй, Ирина! С именинником тебя, я тут совсем закрутилась и чуть не забыла поздравить своего крестника с днём рождения.

– У тебя что-то с памятью плоховато, день рождения Артёма был вчера, – перебила та.

– Знаешь! Ты так часто в последнее время рожает, что мне трудно запомнить точно даты, – весело отшутилась Тася.

– Вот язва же ты! – ничуть не обидевшись, засмеялась Ирина.

– Да и ты за словом в карман не лезешь. Лучше расскажи, как день рождения прошёл?

– Отпраздновали замечательно. Родственники приехали, девчонки наши пришли. Спасибо за подарок, очень понравился. Артёмка так и уснул в обнимку с твоим медведем. Сынуля подрос, забавный стал, ласковый, как котёнок. Я с ним словно помолодела.

– Иришка, помнишь, как ты его не хотела рожать?

– Ещё бы! Я Маргарите Васильевне всю жизнь благодарна буду, за то, что в последний момент меня отговорила. Веришь, нет, Тася, гляжу иногда на Артёмку и плачу.

– Чудная ты, радоваться надо, что такой замечательный карапуз по дому носится!

– Плачу оттого, что по глупости своей чуть не убила его, а так, конечно, радуемся. А вы с Сашей про девочку не подумали? Два сына есть, а помощницы у мамы нет.

– Разговоры в семье витают, бабушкам внучку хочется понянчить, а мне что-то страшновато. К свободе привыкла. Мальчики уже большие, а здесь снова пелёнки, стирка, никуда не съездишь...

– Тася, разве в путешествиях счастье? Когда Артём родился, у нас в семье всё на лад пошло. Старшие в нём души не чают, помогают во всём. Подумай, подруга, года-то уходят.

Слова подруги запали в душу. Позже, вспоминая разговор с Ириной, Тася размышляла: «За повседневной суетой не заметила, как быстро выросли сыновья. Дом двухэтажный отстроили для большой семьи, да скоро пусто в нём станет. Не успеешь оглянуться, Максим вылетит из гнезда, а за ним и Павлик. Останемся вдвоём с мужем. Может, Ирина и права, самое время подумать о третьем ребёнке?»

Жизнь словно подтверждала её мысли. Сначала сослуживицы одна за другой ушли в декрет, родив по третьему ребёнку. Потом, в июле, друзья и однокурсники, Дима с Настей, пригласили мужа Таисьи, Александра, стать крёстным отцом их младшей дочери.

Вечером, когда они вернулись от друзей домой, после застолья в честь крещения, Александр устало произнес:

– Легче весь день заказчику объект сдавать, чем перед бабушкой стоять с ребёнком на руках. Хочу побыть в тишине.

– Ты иди на террасу, а я сварю кофе и принесу туда, – сказала Тася и ушла на кухню.

Александр любил летним вечером посидеть в своём удобном плетёном кресле на открытой террасе, в тени лимонника, оплетавшего резную решётку. Под дуновением лёгкого ветерка нагретые солнцем блестящие листочки лианы шелестели, терлись друг о друга, источая приятный лимонный запах.

Вошла Тася, принесла поднос с кофейником, чашками, молочником, поставила на круглый, накрытый бежевой скатертью столик. Присела на стоявшее рядом кресло.

– Смотри, какой малиновый закат, завтра будет жарко. Надо к мальчишкам в лагерь съездить, соскучилась по ним. Заберём их на весь день, на озеро съездим, покупаемся, – предложила она. – Пусто без них в доме. Вылетят из гнезда, будем в этих хоромах с тобой

вдвоём куковать. Я сегодня Насте по-хорошему позавидовала. Молодцы они с Димкой, такую принцессу себе родили.

– Я, когда взял эту кроху на руки, столько волнения испытал! Батюшка сказал, что я за крёстную дочь теперь всю жизнь нести ответственность буду.

– А ты хотел бы дочку?

– Сегодня, когда держал Димину малышку, появилась такая мысль... Только страшно-вато как-то. Меня же всегда окружали мальчишки. Сначала братья, потом ты родила сыновей.

Он встал, подошёл к ограждению, засунув руки в карманы брюк, стоял, задумчиво разглядывая излучину реки, раскинувшийся за ней луг, синеющие в вечерних сумерках сопки.

– Ты так неожиданно об этом заговорила... – наконец прервал он затянувшееся молчание. – С парнями как-то привычно, я не знаю, как обращаться с девчонками. Наверное, я её избалую.

– Сыновей ты тоже балуешь.

Вернувшись в кресло, Александр одним глотком допил уже остывший кофе. Сидел, барабанил пальцами по столу.

– Я не хотела тебя обидеть. Хорошие у нас мальчишки, но ты же не упускаешь момента Павлика понежить, Максусу всё, что ни попросит, покупаешь.

– Ты хочешь сказать, что я не воспитываю их как мужчин? Да они у меня всё умеют: и дров наколоть, и гвоздь забить, и печку затопить. Максим в электричестве не хуже меня разбирается. А покупки я делаю в пределах разумного.

– Это же хорошо, что сыновья твои помощники! Пойми, я тоже хочу дочку, хочу наряжать её, косички заплетать, покупать игрушки.

– Понятно! Тебе нужна кукла. Так я завтра её куплю, большую с длинными косами, – весело засмеявшись, пообещал Саша.

– Не ерничай! Я с тобой хотела серьёзно поговорить, а ты! – Тася порывисто вскочила с места, но он успел перехватить её и усадил к себе на колени. Крепко обняв, поцеловал в тёплую щёку, прошептал на ухо:

– Если у нас всё получится, я только «за».

* * *

К вопросам здоровья Таисья относилась очень внимательно. Прежде чем решится рожать третьего ребёнка, она пошла в центр планирования семьи и сдала необходимые анализы. Заключение врачей было хорошим: противопоказаний для беременности нет. Но шло время, а желаемой полоски тест на беременность так и не показал. Тася запечалилась: «Поздно девушка решила дитя заводить. В тридцать семь некоторые твои одноклассницы уже внуков имеют», – с горечью и разочарованием думала она.

Проводив младшего сына до школы, Тася неторопливо шагала домой. Солнышко пригревало по-осеннему, не жарко. Бабье лето пришло в город как-то неожиданно, позолотив за одну ночь в парках и палисадниках тополя, акации, яблони, наведя багрянец на кусты черёмухи и боярышника. Сокращая дорогу, она свернула на соседнюю улицу, на которой стояла церковь Вознесения Господня. Накинув на голову шарф, прикрыв волосы, она миновала ограду и, перекрестившись на висевшую над входом икону Иисуса Христа, вошла в храм. В молебном зале было тихо, пахло ладаном, солнечный свет из узких окон падал на позолоченные оклады икон, под которыми светились огоньки лампад. В начищенных бронзовых подсвечниках, мерцаая, горели свечи. Купив в лавке свечу, она поставила её перед иконой Христа Спасителя и стала молиться:

– Господи! Прости меня грешную за грехи мои вольные и невольные и пошли мне своё благословение – даруй мне ребёночка, девочку или мальчика, я буду любить его и оберегать. Пусть исполнится воля твоя! – шептала она слова, приходившие от самого сердца. Из храма вышла умиротворённая, преисполненная надежды.

* * *

С некоторых пор у неё появилась привычка сидеть допоздна за компьютером, бродить по сайтам, увлечённо читать переписку будущих мам и счастливых родителей, разглядывать фотографии малышей.

В один из вечеров неслышно ступая по ковру, к ней подошёл Саша, наклонился к экрану:

– Что-то интересное отыскала? Даже не слышишь, что я тебя зову.

– Смотрела, какие ещё обследования можно пройти, чтобы малыш родился здоровым.

– Чего придумала? Мы с тобой вредных привычек не имеем, спортом занимаемся. Будет наша девочка красивая и здоровая. Конечно, если мама, вовремя будет ложиться спать и уделять внимание папе, – назидательно произнёс он, легко подхватил её на руки и понёс в спальню.

– Я же компьютер не выключила! – обхватив рукой шею мужа, притворно возмутилась она.

– Сам потом выключу.

Утром Тася проснулась с ощущением счастья, лежала, вспоминая сон: внизу живота, вокруг ярко сияющей точки, порхали бабочки, она даже сейчас, словно наяву, видела трепет их лазурных крылышек.

– Саша, – окликнула она мужа, выбиравшего в шкафу рубашку, – мне такой чудный сон приснился, словно во мне крохотная жизнь зародилась, и вокруг неё бабочки порхают.

Александр присел на краешек кровати, пригладил растрепавшиеся со сна пушистые волосы, сказал весело усмехнувшись:

– Вставай, фантазерка. Наши сони ещё из спальни не выходили, буди и корми их завтраком, а то я на работу опоздаю.

– Вот, ты никогда меня не выслушаешь до конца!

– Ты же вчера жаловалась, что тесты так и остаются отрицательными.

– Тесты, конечно, редко обманывают, но этот сон предзнаменование: у нас скоро будет девочка! – легко соскочив с кровати и накинув на плечи халатик, весело возразила Таисия и исчезла за дверями ванной комнаты.

Тася верила, что её молитва была услышана. Дни летели быстро. Ей стало казаться, что предчувствие не обмануло её. Токсикоза ещё не было, но стали раздражать запахи. То одёколон мужа казался слишком резким, хотя сама подарила его на день рождения, то запах жареного мяса заставлял спешно покидать кухню. Несмотря на появившиеся проблемы, чувство тихой радости всё больше овладевало ей.

А город тем временем готовился к встрече олимпийского огня, и семья Михайловых с нетерпением ждала этого праздника. Вечером, после тренировки, Максим, радостно улыбаясь, объявил всем:

– Мне Сергей Михайлович сказал, что я буду сопровождать завтра факелоносцев!

– Не ври! Он тебе даже форму не дал, – завистливо возразил младший брат.

– Много ты понимаешь! Завтра выдадут, факел привезут рано утром на поезде, успею переодеться.

– Макс, я читал, что перед церемонией предварительные тренировки проводились, тебя туда звали?

– Нет... Сергей Михайлович сегодня сказал: «Максим у нас бежит быстрее всех, мы его к факелоносцам приставим».

– Ага, к какой-нибудь бабуле тебя приставят, чтоб сто метров пробежала и не упала, – съязвил Пашка.

– Мальчики, хватит! Ешьте, делайте уроки и спать. Завтра пойдём всей семьёй олимпийский огонь встречать. А Сергею Михайловичу я скажу, что над такими серьёзными вещами не шутят.

– Да ладно, Тася, чего расшумелась? Максиму пора взрослее становится, а то доверчивый, как первоклассник, – успокоил её муж.

* * *

Назавтра утро было морозным, ясным. Ночью, словно наряжая город, снег припорошил улицы. Каждая снежинка радужно сверкала и переливалась в солнечных лучах, приветствуя огонь, который уже побывал в космосе и спускался на дно Байкала. С утра душу Таси переполнял восторг. Она радовалась предстоящему событию, как ребёнок. Её бобровая рыжая шубка и такая же пушистая шапка мелькали среди толпы. Схватив Сашу и Павлушку за руки, Тася пробралась к самой обочине, к тому месту, где с незажженным факелом в руке стояла девушка в белой шапочке с красным помпоном и олимпийской символикой. Капюшон и верх её белого спортивного костюма были украшены разноцветным орнаментом. Девушку окружали молодые люди в тёплых спортивных костюмах синего цвета.

– Мама, Макс придумал, что будет рядом с факелом бежать. Охрана факелоносцев вон где стоит, а они с Серёжей на ту сторону улицы перешли, – настойчиво потянув мать за рукав, показал на старшего брата Павлик.

– Максим просто пошутил, а ты сразу ябедничать! – одёрнул его отец.

Впереди на дороге показался белый автомобиль с мигалкой и бегущие за ним люди. Публика зашумела, оживлённо замахала флажками, захлопала в ладоши. Михайловы тоже присоединились к всеобщему ликованию народа. Рядом с девушкой остановился высокий парень, одетый в олимпийскую форму, и зажгёт её факел. Раскрасневшаяся от всеобщего внимания, взволнованно улыбаясь, она высоко подняла горящий факел, показывая его зрителям, и под восторженные крики толпы побежала посередине дороги, сопровождаемая охраной. Пока Тася приветствовала вместе со всеми олимпийский огонь, Павлик исчез. Растерянно оглядываясь, она пыталась отыскать сына. Неожиданно он вынырнул из толпы, держа в руках баночку с напитком и флажок. На его румянном от мороза лице сияла счастливая улыбка.

– Я просила, чтобы ты от меня ни на шаг не отходил! Где ты это взял? – сердито спросила она.

– Это всем детям из машины раздают, я тоже взял. Пойдём лучше сфотографируемся, а то факелоноска убежала, и этот убежит, – стремясь избежать нагоняя, позвал сын.

– Правильно говорят факелоносец, – машинально поправила Тася, взяла неслуха за руку и стала пробираться через плотную толпу к молодому человеку в олимпийской форме. Вскоре к ним присоединились Александр и Максим.

Они запечатлели друг друга в компании с героем дня и отправились гулять. Солнечный, искрящийся белым снегом город, всеобщее праздничное настроение, ожидание чего-то радостного, светлого, переполняло душу Таси восторгом.

– Давай купим торт и поедем домой, а то мальчишки скоро уши отморозят, – предложил Саша.

– Давай, только торт выбирайте вы, а мне ещё кое-куда надо заглянуть, – согласилась она.

В супермаркете, пока мужчины спорили у витрины с пирожными и выпечкой, Тася незаметно покинула их и зашла в расположенный рядом аптечный киоск.

– Упрямая ты у меня, – усмехаясь, шепнул на ухо Александр, когда они выходили из магазина на улицу.

– Саша! Ну чем мы хуже Димки с Настей? Я чувствую, что этот огонь и мне сегодня радостную весточку принёс, – возразила она.

* * *

Вечером, после купания, закутавшись в пушистый розовый халат, Тася отыскивала Сашу в гостиной с камином. Они о чём-то яростно спорили с Максимом. Наклонившись к мужу, она прошептала на ухо:

– Пошли в спальню, у меня для тебя сюрприз!

– Вот увидишь, наша сборная разгромит канадцев. Я сейчас с мамой поговорю и докажу тебе это, – пообещал отец и, заинтригованный, пошёл следом за женой.

– Саша, тест положительный! – сияя глазами, оповестила она, едва за ними закрылась дверь. – Смотри, две полоски.

Александр повертел в руках узенький пластик:

– Тася, я ничего не вижу, все, как и прежде.

– Ну, вот же вторая полоска, видишь? – заглядывая через плечо мужа, ткнула она пальцем.

Повертев тест в руках, Саша, пожав плечами, с сожалением произнес:

– По-моему, ты выдаёшь желаемое за действительное.

– А как же моя реакция на запахи? Ты хочешь сказать, что у меня ложная беременность?

– Такое с женщинами бывает. Я тоже посмотрел те сайты, в которых ты последнее время зависала. – Заметив выступившие на глазах у жены слёзы, Саша поспешил утешить. – Ну что ты расстроилась? Значит, не судьба нам дочку родить, будем жить как прежде, вчетвером. Не успеешь оглянуться, и внуков скоро начнём нянчить.

– Ты хочешь сказать, что я гожусь только в бабушки? – растерянно спросила Тася.

– Не передёргивай, пожалуйста! Я ничего подобного не сказал.

– Ты, кажется, обещал Максиму поговорить о хоккее, он тебя ждёт – сухо напомнила она и вышла из комнаты.

Всю неделю Таисья избегала мужа. Вечером, ссылаясь на срочную работу, подолгу сидела за компьютером. Утром вставала после того, как Саша вместе с ребятами уезжал из дома. Он несколько раз пытался с ней поговорить, но она, сославшись на что-нибудь срочное, уходила в другую комнату, закрывая за собой дверь. Там, в одиночестве, свернувшись калачиком на диване, и укрывшись пледом, Тася грустно размышляла: «Я напрасно всё это затеяла. Саша прав. Через десять лет мне будет сорок семь, а через пятнадцать и все пятьдесят с лишним. Вместо того чтобы принять всё как есть, мысли не допускаю, что у меня что-то может не получиться. И обиделась я на него зря. Он прав, мне уже пора думать не о своём ребёнке, а о внуках». Но попытки оправдать себя и мужа, не приносили облегчения. Чем больше она думала об этом, тем тягостнее становилось на душе.

В этот вечер Таисья хлопотала по дому допоздна. Закончив дела, забралась в душевую кабину, достала с полочки флакон, но шампуня в нём не оказалось. В поисках другого флакона, она открыла шкафчик и увидела упаковку с тестами. «Набрала с радости целую дюжину, а толку с этого!» – сердито подумала она, поднимая крышку мусорного ведра, чтобы выкинуть пакетик, но в последний миг сжала ладонь, решив испытать судьбу в ещё раз. Взглянув на результат, она тихонько взвизгнула от радости. Первым порывом было поделиться счастливой новостью с мужем, но затаившаяся обида не позволила этого сделать.

«Пусть увидит сам» – решила она и, тихо пробравшись к прикроватной тумбочке, положила тест в Сашин ежедневник.

Утром, когда Александр отыскивал телефон заказчика, торопливо листал записную книжку, из исписанных страниц выскользнула пластиковая полоска и, легко планируя, упала на пол.

«Тася тесты уже вместо закладки стала использовать, всё пытается доказать, что права» – с насмешкой подумал он, поднимая с пола белую полоску. Из любопытства взглянул на неё, и радость, смешавшись с чувством вины, нахлынула жаркой волной: «У нас всё получилось! А я, глупец, не поверил ей, наговорил всякого» – Александр оглянулся, Тася спала, отвернувшись к стене, высунув из-под одеяла маленькую ступню, с розовой пяткой. Бережно поправив сползшее одеяло, он поцеловал жену в висок, та в ответ даже не шевельнулась.

«Никак не может простить обиду. Пора этот сумрак в доме развеять», – решил он, осторожно прикрывая за собой дверь.

* * *

Александр закончил накрывать стол, когда услышал радостный лай Чикоя и скрип тормозов Тасиной машины.

«Успел!» – удовлетворённо подумал он, водружая в центре красную вазу из венецианского стекла с букетом крупных белых хризантем, которые купил в одном из цветочных магазинов города. Накрытый красной льняной скатертью стол, украшенный белой, тонкого фарфора посудой; серебряными столовыми приборами и рубинового цвета бокалами, радовал праздничным нарядом.

Для романтического семейного вечера почти всё было готово. Осталось включить музыку и зажечь дрова в камине.

Весь день он трудился на кухне, готовил своё коронное блюдо: запечённую свиную вырезку с овощами, яблоками и шафраном. Пока мясо томилось в духовке, Саша нарезал бананы, киви, груши, консервированные ананасы и, перемешав, разложил в хрустальные креманки, добавив по ложечке мёда. Зная, что мальчишки придут со школы голодными, он приготовил салат из кальмаров в сметанном соусе; разложил на белом блюде канапе с ветчиной, колбасой, сыром, с кубиками обжаренного белого хлеба и кружочками огурцов. В холодильнике дожидался своей очереди украшенный розами торт «Корзинка».

Первым, как всегда, ворвался в дом запыхавшийся Павлик.

– Ого! У нас, что, праздник сегодня? – восхитился он, разглядывая украшенную воздушными шарами большую гостиную.

– Праздник. Иди, вымой руки, переоденься во что-нибудь парадное и приходи мне помогать, надо ещё свечи зажечь.

– Я быстро, папа, – прокричал Паша, белкой взлетая на второй этаж, в свою комнату.

Александр включил музыку и пошёл в прихожую встречать Тасю и Максима.

– Как вкусно пахнет! Папа, ты что, мясо в духовке запекаешь? – радостно улыбаясь, спросил Максим. – Я такой голодный!

– Ты, сынок, последнее время всегда голодный, – впервые за неделю весело улыбнувшись, произнесла Тася.

– Возраст у меня сейчас переходный мама, расту.

– Паша уже переодевается, и ты поспеши, – легонько подтолкнул его к лестнице отец. Они остались с Тасей вдвоём.

Он помог ей снять шубу, шапку, усадил на пуфик и, встав на одно колено, расстегнул сапоги.

– Что это ты такой сегодня галантный? По какому поводу праздник?

– А то не знаешь? Думала, спрятала тест в ежедневник, так я ничего не увижу? Тася, я виноват. Но даже закоренелый преступник заслуживает снисхождения. Какую казнь ты выбираешь для меня? – прижав руку к сердцу и шутливо подставив шею, покаянно произнёс он.

– Ты же знаешь, какая я кровожадная! Кару я тебе ещё не придумала. Надо ещё оценить меру твоего старания. А пока можешь отнести свою королеву в спальню, я должна надеть парадное платье, – закинув ему руку на шею, смеясь, сказала жена.

Вечер прошёл замечательно. Сначала был ужин. Мальчишки старались вести себя по правилам этикета, даже пользовались ножами и вилками, но мясо и канapé исчезли со стола очень быстро. Утолив первый голод, дети стали выведывать у родителей, что за праздник сегодня в их семье.

– Так получилось, что у меня сегодня выдался свободный день. Вот и решил вам устроить романтический вечер. Осень грустная пора, наша мама заскучала, а когда ей грустно, то и нам невесело, – объяснил отец.

– Как здорово папа, что ты всё это придумал! Мама ты же больше не будешь плакать украдкой? – спросил Паша, заглядывая матери в глаза.

– Нет, зайка, у нас теперь всё будет хорошо, – обнимая и целуя сына, ответила Тася.

После ужина, дружно убрав со стола посуду, они раздвинули большой диван, расположились на нём всей семьёй, включили домашний кинотеатр и стали смотреть видео из семейного архива, весело комментируя забавные случаи.

Звонок издалека

Звонок разбудил Тасю среди ночи. Звонила подруга детства Олеся. После того, как она с родителями и мужем уехала на север, в Ухту, они виделись редко, но связь не теряли, перезванивались, рассказывая новости друг другу, передавая приветы родителям.

– Ты чего так поздно, – тихо спросила Тася.

– Извини, всегда забываю про разницу во времени, – ответила та. – Тая, мне надо с тобой поговорить.

– Хорошо, сейчас выйду из комнаты, а то Саше рано вставать, разбужу, – она прихватила лежавший на кресле пушистый халат, нащарила в темноте тапочки и, осторожно прикрыв дверь, прошла на кухню. – Что случилось?

– Тая, я с Машей в больнице, она в реанимации, – всхлипнув, сдерживая рыдания, проговорила Олеся. – Ты, прости, что я не даю тебе спать. Юра уехал в командировку, связи с ним нет. Маме с папой я и половина правды не говорю. Боюсь, что такое известие совсем подкосит их здоровье. Они так ждали внуку. Мне надо было с кем-то близким поговорить, вот и позвонила тебе.

– Почему вы в больнице? – внезапная слабость охватила Тасю, она добралась до стоявшего у окна диванчика и присела на краешек.

– Когда я тебе сообщила, что у меня родилась дочь, я не всё рассказала. Маша родилась с пороком сердца. Ей сразу сделали операцию, не выписывая нас из больницы, иначе она бы не выжила. Потом нас отпустили домой готовиться ко второй операции. Машенька такая хорошенькая, ей шесть месяцев. Она мне уже улыбаться стала, гулить. Тася! Я не выдержу, если с ней что-то случится! – из телефона слышались рыдания.

– Олеся, не плачь! Расскажи, почему вы попали в реанимацию? – понимая, что у той начинается истерика, попробовала отвлечь подругу разговором.

– Маше, перед второй операцией, надо было пройти все обследования. Тая, я же понимала, что для неё любая инфекция смертельно опасна. Просила врачей осмотреть её у нас дома, а они отказались. Мы сегодня ходили в детскую консультацию, к специалистам, а вечером у неё поднялась температура и она начала задыхаться. Скорая приехала и сразу забрала нас в больницу. Там положили в реанимацию, подключили к дыхательному аппарату. Мне сказали, что у неё пневмония. Меня к ней не пускают. Вот сижу пока в коридоре. Таечка, мне так страшно! А они ходят мимо меня, как мимо пустого места, и ничего не говорят.

– Успокойся! Твоя истерика только отразится на ребёнке. Врачи сделают всё возможное. Олеся, я могу тебе чем-то помочь? Может, деньги на лекарство перевести?

– Спасибо, не надо, всё есть.

– Ты говорила мне, что прошла обследование в Центре планирования семьи, почему у Маши порок сердца?

– Я переболела гриппом, она родилась семимесячной, говорят из-за этого. Если бы не пневмония, мы бы на этой неделе уехали в кардиологический центр. Тая, прости, что нагружаю тебя своими проблемами. Но все эти полгода, я живу в страхе. Юра, наверное, из-за этого уехал так надолго в командировку, не вынес моих слёз.

– Всё нормально, ты правильно сделала, что мне позвонила. Лучше выговориться, потом станет легче.

– Спасибо! Прости, там наш доктор по коридору идёт.

– Олеся, ты звони мне в любое время.

– Хорошо!

Тася сидела, тупо глядя на смолкнувший телефон.

– Кто звонил? – раздался голос мужа от двери.

– Олеся. Её девочка в реанимации, а Юры рядом нет. Страшно!

– Пошли спать. Своим ночным бдением ты ей не поможешь, только себе навредишь.

Олеся звонила часто. Она добилась, что бы её положили в больницу и допускали к ребёнку. Тусклым, поникшим голосом она рассказывала, что самостоятельно дышать и кушать Машенька не может, что врачи ничего утешительного не говорят, только повторяют: «Состояние стабильно тяжёлое».

Тася утешала подругу, говорила, что от её веры сейчас многое зависит, что медицина уже другая и девочку спасут. А по ночам вертелась в постели, с ужасом представляя себя на её месте. Мрачные думы всё чаще наваливались на неё. Она стала молчаливой, задумчивой, ссылаясь на токсикоз, нередко закрывалась в спальне, делая вид, что спит. На все расспросы мужа односложно отвечала, что в её положении такое поведение нормально, скрывая от него, что после каждого звонка из Ухты в душе разрасталась тревога за их ребёнка. Не выдержав молчания, она призналась мужу:

– Саша, разговоры с Олесей не дают мне покоя. Когда я говорю с ней о Маше, я всегда думаю и о нашей малышке.

– Не понимаю, зачем тебе эти разговоры в твоём-то положении. Отключи телефон, поставь её в «черный список», не отвечай на её звонки, наконец!

– Как ты можешь такое говорить?! У Олеси беда, её сейчас некому поддержать, кроме меня. Она же не знает, что я беременна!

И вообще, кроме тебя, я никому о своём положении не говорила.

– Даже матери?

– Да! Даже маме. Хотела сделать родителям сюрприз на Новый год. Я читала, что чужая биоэнергетика может вмешаться и повлиять на плод. Чем о ребёнке будет меньше знать людей, тем лучше.

– Что за суеверие? Ты никогда такой не была.

– Ты прав, что-то последнее время чушь всякая в голову лезет, – растерянно проговорила Тася, прижав ладонь ко лбу. – Наверное, слишком интернетом увлеклась, читаю всё подряд.

– Наконец-то слышу от тебя разумные слова. Ты из-за этого не позволила мне сообщить мальчишкам о будущем брате или сестрёнке?

– Ну, что ты? Я же не настолько впала в суеверие. Пусть для родителей это будет подарком, а мальчикам уже пора сказать, что мы ждём ребёнка. Может, о малыше расскажешь сыновьям ты?

– Как ты это представляешь себе? Если я выложу Паше, что мама беременна, он меня вопросами засыплет, и что я буду отвечать? Аист принёс? Прости, но я стараюсь с ними такие темы не обсуждать.

– Понимаю, говорить об этом мальчикам тебе неловко, но надо же как-то им объяснить, что в нашей семье скоро будет пополнение.

– Тася, у тебя, как у педагога, это получится лучше. Я всего лишь инженер и ничего в подростковой психологии не понимаю.

– Сделаем так: Максим уже почти взрослый, вы сегодня собрались в сауну, вот и поговори с ним там. Пора и на такие темы находить общий язык с сыном, а не только о гайках и винтиках да о хоккее разговаривать, а я побеседую с Павликом, – приняла решение Тася.

Саше не удалось переубедить жену, и они с Максимом вечером отправились в сауну. Паша такое времяпровождение не понимал и старался от похода в шумное жаркое заведение увильнуть.

Всю дорогу Александр молчал, не мог придумать, как приступить к разговору.

– Ну, что, Серёга исправил тройку по физике? Какая у него в четверти выходит оценка?

– Папа! Ты сейчас на красный свет проехал! – воскликнул Макс.

– Здесь по проулку ближе, – не найдя что сказать, ответил отец и решил отложить трудный разговор до более удобного момента.

– А ты зачем про Серёгину тройку спрашивал? – недоумённо спроси Максим.

– Да, так. Он же твой друг, поинтересовался... Не отвлекай, а то что-то сегодня машины так и снуют, не стукнуть бы кого.

До сауны они добрались молча. Сын размышлял над странным поведением отца, а отец готовился рассказать о прибавлении в семье. Когда они оказались в парилке вдвоём, Макс осторожно спросил:

– Пап, что-то случилось?

– Понимаешь, сын, теперь посуду будете мыть вы, нам маму надо беречь, – почему он ляпнул о посуде, Александр даже позже так и не смог себе объяснить.

– Папа, я большой мальчик и уже давно понял, что мама беременна, – сердито ответил Максим быстро слез с полка и, выйдя из парилки, нырнул в бассейн, отплыв в несколько взмахов от кромки.

Поддав жару, отец остался сидеть на лавке. Вытирая катившийся градом пот с лица, он с облегчением думал, что трудный разговор с сыном наконец-то состоялся, и не надо больше ничего придумывать.

Когда возвращались домой, Александр сказал:

– Мы дома такую баньку построили, а в сауну ездим. Не дело это.

– Чем тебе сауна не нравится? Погрелся и ныряй в бассейн, плавай. А у нас в бане напаришься и остудиться негде.

– Ничего ты не понимаешь! Там всё сделано из дерева, когда банька нагреется запахло, какой стоит! А в твоём бассейне хлорку под душем час смываем. На счёт остудиться ты прав. Я тут в одном магазине дубовую купель приглядел, нужно купить и установить в моечном отделении.

– Это бочка, в которую ныряют?

– Да. Ключевой воды нальём, никакой бассейн не понадобится.

* * *

Тася тоже подготовилась к разговору с Пашей. Она достала альбом, где хранились фотографии сыновей. Павлик сразу пристроился рядом. Они разглядывали фото малышек в ползунках, а то и совсем голеньких.

– Это я! Смешной какой, – показывая на карапуза, увлечённого копавшегося в песке на берегу озера, засмеялся Паша.

– А вот и не угадал! Это Максимка, а вот ты, – Тася показала на фотографию, где в голубом конверте, весь в кружевах спал в кроватке крохотный малыш. – Это мы тебя только из роддома принесли. Такой хорошенький был, все думали девочка.

– Это я был такой маленький?

– Да. А теперь вон, какой мамин помощник вырос. Паша, а ты бы хотел ещё сестрёнку или братика?

– Девчонку не хочу, с ней не интересно. А брата было бы здорово. А то Макс старший, всё время командует мной. А так я бы тоже стал старшим братом. Мама, а скоро он у тебя появится?

– Летом. Тогда хорошо, тепло будет. Давай договоримся, пусть это будет нашей маленькой тайной, – обняв младшего сына, улыбаясь, попросила Тася.

– И Максиму с папой не говорить?

– Папа знает и брату можно, а друзьям пока не говори, хорошо?

– Конечно, мама! Я так рад, что у меня скоро будет ещё один брат!

* * *

Паша не мог дожидаться приезда отца и Максима, чтобы объявить им такую замечательную новость. Но брат, едва переодевшись в прихожей, не дал произнести ему ни слова, взял за руку и повёл на кухню.

– Ты почему посуду сегодня не мыл, маме оставил?

– А почему я? – возмутился Пашка. – Ты с папой в бассейне плавал, а мне, значит, посуду мыть? Это нечестно! У меня такая новость, а ты с какими-то грязными тарелками, – расстроенно произнёс он.

– Мама сказала тебе о ребёнке? Ты же понимаешь, что мы должны её теперь беречь. Составим график дежурства по кухне, ну, и в комнатах своих сами будем убирать.

– Мама сказала, что это пока наша общая тайна, и никому не велела говорить о братике.

– Или о сестрёнке. Раз сказала, значит, будем молчать.

Тревоги и сомнения

Предновогодние хлопоты отвлекли Тасю от мрачных мыслей. Настроение улучшилось ещё из-за хороших известий из Ухты. Машенька пошла на поправку, вернулся из командировки муж Олеси, и подруга стала реже звонить. В доме на время отключили интернет – что-то случилось на линии. Лишившись наплыва разной, в том числе и отрицательной информации, Таисья почувствовала себя спокойней.

В предпоследнюю неделю перед Новым годом она пошла в женскую консультацию, вставать на учёт. С Ларисой Владимировной они были хорошо знакомы, она уже несколько лет работала у них на участке гинекологом.

– А я через месяц в декрет уйду, – радостно сообщила доктор.

– Поздравляю. Видно, наше поколение решило улучшить демографическую ситуацию в стране. И кто же останется вместо вас?

– Пока подыскивают врача, приём будет вести акушерка.

– Жаль, у меня к вам столько вопросов накопилось. Вот уже в третий раз беременна, а так волнуюсь!

– Оно и понятно. Первых детей мы рожали спонтанно, так уж получилось – молодые были. Вторые, конечно, запланированы, но возраст тогда был самый подходящий для рождения. Вижу, что всю доступную информацию разыскали? Мой вам совет: выключите интернет, отложите книги и почувствуйте себя нормальной беременной женщиной.

Вечером на расспросы мужа, чем закончился поход к врачу, она ответила, что их гинеколог тоже уходит в декрет, и вместо неё приём временно будет вести акушерка.

– А что хмурая такая? Может, поговоришь со мной?

– Саша, я не знаю, что со мной происходит последнее время, всего боюсь. Любое слово меня ранит. Вроде бы хорошо обо всём поговорили с Ларисой Владимировной. Под конец разговора дёрнуло меня спросить: могут ли мои хорошие анализы дать сто процентную гарантию, что малыш здоров? Она сказала, что сто процентов может дать только Господь Бог. – «Скоро вам предстоит пройти скрининг, вот он всё покажет».

Она прошла по комнате, сложила в шкатулку рассыпанные утром второпях украшения. Постояла, глядя на них задумчиво и, вздохнув, вернулась на диван.

– Скорее бы прошёл этот скрининг, узнать, что всё в порядке, и успокоиться.

– Чего тянуть? Давай сделаем его платно.

– Ещё рано. Первый скрининг проводят на сроке одиннадцать – тринадцать недель. Придётся ждать, а время тянется так долго...

Устала я от ожидания. Вот пройдем его, и тогда расслаблюсь.

– С Максом и Павликом у тебя хандры не было. Я не понимаю, Тая, откуда такая мнительность? Роешься в литературе, сидишь в интернете, какие ответы ты хочешь там отыскать? Думаешь, что твои знания что-то могут изменить?

– В моей тревоге есть причина, во всём виноват возраст. Чем старше, тем больше рисков. Прекрасный пример Олеся – просто переболела гриппом, и теперь её ребёнок страдает! Я боюсь ходить на работу, в магазин, находиться в толпе, чтобы не подцепить какую-нибудь инфекцию и не навредить малышке.

– Если тебе страшно, увольняйся, сиди дома, я достаточно зарабатываю чтобы нас обеспечить.

– Нет, я так не могу, на работе некому меня заменить, надо доработать хотя бы до марта, а там я могу взять отпуск.

– Прежде всего, ты должна думать о малыше. Он уже растёт в тебе, развивается, своими слезами, уныньем, только вредишь ему!

– Летом, когда хотела ребёнка, о возрасте даже мысли не было. Сейчас я могу прыгать и скакать с мальчишками, ходить в походы, и им не стыдно за меня, они гордятся, что у них такая молодая мама. А когда подрастёт малышка, я буду уже старой, она будет стыдиться меня, – всхлипнув, промолвила Тася и, не выдержав, горько разрыдалась.

Саша сел рядом, обнял, прижав к себе.

– Прости меня! Это я виноват в твоих сомнениях. Я брякнул, не подумав, что нам не о детях, а о внуках пора думать. Не изводи себя. Ты молодая красивая женщина. Надо думать только о добром, и ничего не случится.

– Я стараюсь, но меня словно в чёрный омут затягивает.

– Давай вызовем Елизавету Петровну.

– Я звонила маме. Они с папой смогут приехать только тридцать первого, утром. Но есть и хорошая новость, Татьяна Васильевна приедет завтра. Про себя я им ничего не сказала. Это новогодний сюрприз.

– Хорошо, что мама приедет. Начнём готовиться к празднику. Хотя он какой-то нынче не радостный. Это виновата твоя Олеся, напугала своими рассказами, а ты к себе всё примерила. Прошу тебя, не звони ей больше.

– Не упрекай её, я сама виновата. Ничего, наступает Новый год, столько радостной суеты предстоит, всё плохое быстро забудем. Мы с твоей мамой составим меню, закупим продукты, а подарки твоя забота.

* * *

Новый год семья Михайловых встречала вместе с родителями. Это была традиция.

Стараясь сохранить позитивное настроение, Тася вместе с мужем и свекровью занялась праздничными хлопотами. Тридцатого декабря вместе с Татьяной Васильевной и Павликом она поехала на ближайший рынок купить кое-что из продуктов. В мясной лавке торговала давняя знакомая их семьи – Екатерина. Татьяна Васильевна, окинув опытным взглядом выставленный товар, стала выбирать мясо. Продащица и Тася тем временем болтали о том, где будут справлять предстоящие праздники, о ценах на рынке. Неожиданно Катя, посмотрев на Павлика, улыбаясь, сказала:

– Младшенький у вас на девочку похож. Вам надо третьего ребёнка родить, обязательно девочка будет.

– Я им тоже об этом говорю, – вмешалась в разговор Татьяна Васильевна, – но они не хотят. А мне с внучкой так хочется понянчиться.

Тася в магазине никак не отреагировала на реплику свекрови. А когда вышли на улицу, сварливо сказала:

– Почему вы так, Татьяна Васильевна говорите, что мы не хотим ещё одного ребёнка? Уже второй месяц пошёл, как я беременна.

Не сообщали, потому, что хотели на Новый год сюрприз вам сделать.

– Так это ж хорошо-то как, – произнесла растерянно свекровь и замолчала, обдумывая неожиданное известие.

Вечером они дружно готовили заливное, рыбу в маринаде, закуски. Подготовка к празднику затянулась до глубокой ночи.

Праздник

Елизавета Петровна и Семён Андреевич уже подъезжали к городу, когда раздался звонок мобильного телефона. На дисплее высветился номер Сашиной мамы.

– Здравствуй, Татьяна! Скоро приедем, как там дети? – спросила Елизавета Петровна.

– Здравствуй, Лиза. Саша утром увёз Тасю в больницу, к гинекологу. Я очень переживаю, вот и решила позвонить тебе, посоветоваться.

– Почему к гинекологу? Я с ней вечером разговаривала, она ни на что не жаловалась.

– Это я во всём виновата. Вчера до глубокой ночи готовились к празднику. Надо было её отправить спать, а мы за работой и не заметили, что уже так поздно. А утром у неё живот заболел, она напугалась, что вдруг начался выкидыш, вот Саша и увёз её к врачу.

– Таня! Какой выкидыш, ты о чём говоришь?!

– Так она и тебе ничего не сказала? Тася второй месяц беременная, скоро у нас внучка будет!

– Интересная новость... Ты о чём хотела со мной посоветоваться?

– Может, ты её уговоришь, чтобы она в больницу легла. Я пыталась, а она не соглашается, хочет праздник дома провести. Может, тебя послушает?

– Что ты, Татьяна! Если она, как партизан, два месяца молчала, даже словечка о такой важной новости не сказала, то и сейчас не станет со мной советоваться, – с обидой в голосе, возразила Лиза. – Мы скоро подъедем и дома с тобой всё обсудим.

– Дочка звонила? – спросил муж.

– Нет, сватья, – ответила жена. – Спрашивала, скоро ли будем.

– А чего ты такая сердитая?

– Да не сердитая я, просто устала. Не отвлекайся, дорога скользкая, не думала, что за ночь столько снега выпадет, вчера солнышко сияло весь день, – увела разговор в сторону жена.

* * *

Машины тестя и зятя почти одновременно подъехали к воротам. Увидев тёмно-синий джип родителей, Тася выбралась из машины и поспешила к ним. После объятий и поцелуев мать, строго взглянув на дочь, спросила:

– Ну, рассказывай, тихушница, что тут у вас происходит?

– Татьяна Васильевна уже доложила?

– Кто ближе к сердцу, с тем и делишься.

– Не выдумывай мама! Лучше бы спросила, как я себя чувствую.

– Прости доченька. Новость-то как снег на голову свалилась, сразу и не сообразила, о чём спрашивать. Что сказал врач?

– Поставили два укола, угрозы выкидыша пока нет, предложили лечь в больницу, я отказалась, расписку дала. Как Новый год проведёшь, так и дальше будет. Вот как-то не хочется в больнице весь год валяться, – сердито ответила Тася. – Лежать в кровати и таблетки принимать я и дома могу. Ты хороший медик, посмотришь за мной.

– Ладно, чего это мы с тобой у порога стоим. Может, в дом позовёшь?

– Вот чего ты обижаешься? Я сюрприз вам на праздник готовила. Не получилось... Я так вас ждала, поговорить с тобой о многом хотела, а ты, вместо того чтобы радоваться, обиделась.

– Ну что ты, глупая! Конечно, я рада, только новость такую от тебя первой хотела услышать.

* * *

Новый год встречали уютно, по-домашнему. Стол накрыли в большой гостиной, у камина. Тася в праздничных хлопотах не участвовала. Её охватывало умиление, от того, как обращались с ней все, особенно Павлик. Сын усадил её в кресло, накрыл колени пледом и то и дело подбегал узнать, не требуется ли чего? В кругу родных, самых дорогих людей, чувство надвигающегося мрака исчезло. Даже страх из-за внезапной угрозы выкидыша, который так напугала её утром, прошёл, едва в доме появилась мама.

Приближалась новогодняя ночь. Мальчишки вручили каждому предметы костюма. Маме они вручили голубые крылышки, нарядную шапочку и волшебную палочку цветочной феи. Бабушкам лиловые шляпки с вуалями и высоким, конусообразным верхом, объявив, что они волшебницы. Отцу Максим вручил капитанскую фуражку и бинокль. Дедушка в шляпе-треуголке, украшенной черепом с костями, подпоясанный красным кушаком, изображал пирата. Для себя они приготовили скоморошьи шапки с бубенчиками и сказали, что сегодня все должны им повиноваться, так как они будут ведущими праздника. После того как проводили Старый год, выслушали поздравления Президента и открыли под бой курантов шампанское, каждый сказал свои желания в наступающем году. Самым главным для всех было рождение малышки. В заключение Павлик, как самый младший, произнес:

– Я хочу, чтобы мой братик родился здоровым и весёлым. Я очень этого хочу.

– Ты ошибся, мы девочку ждём, – попытался поправить его дед.

– Это вы все думаете, что девочка, а я, как только узнал от мамы о малыше, попросил у Деда Мороза братика.

– Пусть будет так, как загадал Павлуша, – поддержала его Татьяна Васильевна. – Пойдёмте стрелять фейерверк, на улице уже давно гремит салют. А потом надо ещё подарить подарки.

Мальчишки не давали взрослым долго сидеть за столом. Сначала играли в фанты. Дедушке и отцу выпало танцевать лезгинку, а бабушкам пришлось дуэтом исполнить песню разбойников из «Бременских музыкантов» – «Говорят мы бяки-буки, как выносит нас земля». Мама рассказала стихотворение:

Чародейкою Зимою,
Околдован, лес стоит
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.
И стоит он, околдован,
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой...
Солнце зимнее ли мечет
На него свой луч косой —
В нём ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

- Волшебное стихотворение! Кто же это написал? – восхитилась Елизавета Петровна.
- Фёдор Тютчев, мы же его в школе учили. Забыла, мама?
- Ох, доченька! Разве всё помнишь.

Максим, пока женщины разговаривали, настроил домашний кинотеатр, и все стали смотреть шуточные поздравления, заранее записанные им для каждого на камеру. Потом Паша станцевал под музыку «Хип-Хоп» Все бурно ему аплодировали. Новогодний праздник закончили чаепитием с праздничным пирогом, испеченным Татьяной Васильевной.

Будни

Праздник пролетел быстро. Родители разъехались, в доме стало тихо и грустно. Дни были похожи один на другой. Только одно событие, которое никак не вписывалась в их размеренную жизнь, произошло с Тасей.

Она проснулась, когда в комнате ещё только начал проступать серый утренний сумрак. С трудом разбудила Сашу.

– Вызвать врача? – широко зевая, спросил он.

– Почему врача? – растерялась Тася.

– Так ночь на улице, а ты будишь меня!

– Нет, врача не надо. Я хочу рассказать, что мне сейчас приснилось, а то вдруг усну и забуду.

– Тася! Мне ночью только рассказов о снах не хватало!

– Помнишь, когда мы студентами ездили по железной дороге к твоей маме, всегда смотрели на развалины старого мужского монастыря, что стоял на том берегу реки? – не обращая внимания на его ворчание, начала рассказывать она.

– Помню, – ещё раз зевнув, ответил Саша, понимая, что, пока не выслушает жену, спать ему не дадут.

– Мне приснился сейчас этот монастырь. Я точно знаю, что это он, хотя никогда там не была. Мы оказались в нём с тобой вдвоём. Людей не было, только охранник у дверей отремонтированного здания.

– Может, монах?

– Нет, охранник в такой же форме, в которой они стоят в магазинах.

– Странный сон....

– Саша! Не перебивай! Там было очень чисто и светло. На выбеленных стенах нарисованные фрески с ликами святых. Нам там было так хорошо. Мы бродили по комнатам, смотрели...

– И?

– Что «и»?

– И всё?

– Да. Потом я проснулась и разбудила тебя. Сон очень странный, я никогда не была даже вблизи этого монастыря, только в юности из окна поезда смотрела на его развалины.

– Ничего странного. Беременным женщинам может и не то присниться. Спи! – он укрыл её одеялом и прижал к себе.

Немного повздыхав над тем, что муж такой чёрствый, даже не захотел обсудить её сон, а если это какой-то знак? – Тася задремала.

* * *

За окном зима, утренний сумрак. Позади новогодние праздники. Читать лекции в такое время довольно трудное занятие. Тася оглядела зал, студенты смотрели на неё сонными глазами, в которых не было никакого желания изучать науку. Вздохнув, она произнесла:

– Доброе утро! После всех праздников пора настроиться на рабочий лад. Итак, приступаем к изучению новой темы «Планирование семьи». Работа по планированию семьи осуществляется не только медицинскими работниками, но и психологами, педагогами, социальными работниками. Медицина, генетика достигли в наш двадцать первый век таких результатов, что мы можем снизить риски врождённых патологий у детей. Для этого необ-

ходимо планировать рождение ребёнка. Как ни странно, но работа должна начинаться ещё в детском саду, школе, когда мы воспитываем будущих маму и папу, формируя у них ценностное отношение к своему здоровью.

Тася рассказывала студентам обо всех особенностях планирования семьи, о том, какую роль в этом играют разные профессии. Лекция плавно двигалась к медицинским вопросам. Вздыхнув, Тася перешла к пояснениям, что предварительный медицинский осмотр, необходимые анализы до беременности и скрининг на ранних сроках, поможет выявить, есть ли врождённая патология у плода.

– А если скрининг покажет, что у ребёнка генетические отклонения? – Алина любила прерывать лектора и задавать каверзные вопросы.

Преподаватель вздохнула и отвернулась к окну. Зная ответ, она первый раз задумалась над ним, размышляя: как бы она поступила в своём случае?

– Таисья Семёновна, а что можно сделать в этом случае? – напомнила о себе студентка.

– Медицинские работники считают, если женщина вовремя встала на учёт и патология выявлена в первом триместре, то аборт не нанесёт ей большого вреда, как это было бы в более позднем сроке.

– Но вы же говорили, что ребёнок к пяти неделям уже сформирован?

– Чаще всего такие дети нежизнеспособны, и всё заканчивается выкидышем, для человека закон естественного отбора природа не отменяла.

Студенты оживились, сначала внимательно слушали, потом закидали вопросами. Тему Тася знала хорошо и объяснять ей было интересно. Заканчивая лекцию, Таисья Семёновна сказала:

– Я всегда вам говорила и буду каждый раз повторять: курение, алкоголь, случайные половые связи – всё это наносит вред не только вам, но и вашим будущим детям.

Первая встреча

В запланированное число Тася пришла на приём к гинекологу, чтобы взять направление на скрининг. Лариса Владимировна, посчитав по календарю, сказала, что обследование будет двадцать третьего января.

– А мы успеваем в скрининговые сроки?

– Да, успеваем.

Тасе не терпелось увидеть на экране своего малыша. Две недели тянулись очень долго, спасала лишь загруженность на работе.

В конце января они поехали в женскую консультацию вместе с Сашей. Муж захватил с собой видеокамеру, чтобы запечатлеть первое свидание с малышом – он заранее узнал, что аппарат УЗИ в женской консультации показывает картинку в три D. Вначале у Таси взяли кровь на анализ, а потом они пошли в кабинет УЗИ. Саша попросил разрешения у доктора присутствовать при обследовании. Врач, толстый, хмурый дядька в очках, согласно кивнул головой, он привык, что многие родители желают сделать или фото, или видеосъемку малыша. У этого аппарата экран был не голубой, как обычно, а бежевого цвета. Саша, затаив дыхание, снимал на камеру крохотного курносого малыша, который неожиданно, поднял короткопалую ручку и почесал себе нос. Потом ухватился за толстый жгут и, потянув его на себя, положил на плечо.

– Это что такое? – шёпотом спросил Александр.

– Это пуповина, – ответил доктор.

– А как его параметры, в норме? – Тасе хотелось узнать самое главное.

– Если я молчу, значит всё нормально.

– А какие размеры воротникового пространства?

– В норме. Все спрашивают про воротниковое пространство, а почему бы не спросить какой у него кишечник.

– А какой у него кишечник?

Доктор поводит датчиком по животу, потом что-то посчитав, ответил:

– Всё в норме. Не надо так переживать, мамаша. Можете пока приводить себя в порядок, одеваться, а я вам расскажу один случай. Поведал я как-то к знакомому батюшке, кем работаю, и сказал, что смущает меня то, что я в своей работе, заметив у ребёнка уродство, решаю, жить ему или нет, то есть как бы выношу приговор, а я ведь не имею на то право. На что батюшка мне ответил, что гордыня меня заела, если суждено родиться ребёнку уродом, он родится, и никакая аппаратура не покажет. Навсегда я запомнил его слова: «Детей уродов Господь даёт родителям за тяжкие грехи их». Так что, если не грешили, то и изводить себя сомнениями не стоит.

Когда они вышли из поликлиники, эмоции переполняли обоих. Все страхи, что угнетали Таисью последнее время, исчезли. Их малыш здоров! От переизбытка чувств Саша, не обращая внимания на прохожих, крепко обнял и поцеловал жену.

– Давай устроим праздник первой встречи, махнём на диету и купим что-нибудь вкусненькое! – предложила Тася.

– Давай!

Они заехали по дороге в магазин. Пока добирались до дома, загоняли машину во двор, пошёл снег. Мягкий, словно лебединый пух, он плавно ложился на землю.

– Саша! Смотри, как радуется вместе с нами природа, – Тася весело ловила раскрытыми ладонями невесомые снежинки.

– Ты видела, как она деловито почесал свой курносый носик? Да она у нас просто красавица, вся в маму! – подхватив жену на руки и кружа по двору, крикнул Александр.

– А помнишь, как она деловито положила на плечико пуповину и отвернулась от нас? – смеясь, напомнила Тася.

Муж осторожно поставил её на землю.

– У тебя иней на ресницах и на волосах снежинки искрятся, как у снегурочки. Вставай возле ёлки, я тебя сфотографирую, – предложил он.

– Нет, я хочу вместе! Настрой фотоаппарат и беги ко мне, сегодня такой замечательный день, пусть память останется.

Они сфотографировались и, не сговариваясь, побрели по засыпанным снегом дорожкам сада.

– Саша, наша девочка больше похожа на мальчика, – лукаво улыбаясь, сказала Тася.

– В таком возрасте они все одинаковые, – отмахнулся от такого предположения муж. – Я видеоролик с камеры запишу на наши телефоны. Максим и Павлик у нас есть, теперь и она с нами будет.

– Ты это здорово придумал, – согласилась жена.

* * *

Дня через три Тасе позвонила акушерка и сказала, что ей необходимо побывать на консультации у генетика.

– Что-то не так? – сухим от страха голосом спросила она.

– Пришли анализы, которые брали во время скрининга, в одном из них завышены показатели, – ответила акушерка и отключилась.

Тася хотела перезвонить, но потом передумала: «Всё равно ничего не скажут. Лишнюю ответственность на себя никто не хочет брать».

Год назад однокурсница Надя родила девочку. Тася решила вначале проконсультироваться у неё. Поболтав о жизни, об общих знакомых, она поинтересовалась у неё, наблюдалась ли та у генетика во время беременности.

– Тебя пригласили на беседу, и ты испугалась? – засмеявшись, спросила подруга. – Не переживай! Они всех женщин нашего возраста у генетика консультируют, чтобы риск хромосомной патологии избежать.

– Ты ходила к такому врачу?

– Ходила. Она спросила, были ли наследственные заболевания у наших родственников. Как протекали предыдущие роды, объяснила, что с возрастом риск хромосомной патологии возрастает, предложила сделать хорионбиопсию.

– А это что такое?

– Прокол в животе делают и берут материал на анализ.

– Больно?

– Не знаю. Я отказалась, и ты себе голову не загружай, оно тебе надо? После прокола может быть выкидыш. Я Катюшку родила в том же возрасте, что ты сейчас, и ничего... Сама видела моё чудо ненаглядное.

– Говоришь, не соглашаться на хорионбиопсию?

– Конечно, не надо.

– Спасибо, Наденька, на приём, конечно, схожу, но никаких процедур делать не буду.

Тася позвонила ещё двум знакомым, у которых были маленькие дети. Они, как и Надя считали, что на приём сходить надо, но от генетического анализа лучше отказаться.

* * *

На второй день Тася и Александр поехали в диагностический центр. На табличке, что висела на двери, Тася прочитала имя врача – Елена Павловна. В кабинете их приветливо встретила симпатичная, средних лет женщина-врач. Напротив неё, за компьютером, сидела молодая улыбчивая медсестра. Обстановка в комнате была благожелательной, располагающей к неторопливому, обстоятельному разговору.

– Вы пригласили нас на беседу, что случилось? – встревоженно спросила Таисья.

Доктор достала листочек с результатами её анализов. Взяв карандаш, она стала водить по отпечатанным на листочке цифрам.

– УЗИ у вас в порядке, а вот этот показатель чуть больше положенного, плюс ваш возраст, суммируя всё, программа компьютера выдаёт нам повышенные риски генетических отклонений.

– Если не учитывать возраст, то о чём говорят эти риски?

– Говорят, что возможны генетические отклонения, но иногда это касается плаценты, а не плода.

– В моём случае, риск большой?

– Пятнадцать процентов. Я предлагаю вам сделать хорионбиопсию.

– Но ведь такая процедура часто заканчивается выкидышем?

– Всё зависит не только от нас, но и от женщины, которая проходит обследования. За то время, сколько мы проводим хорионбиопсию, было всего три случая, во всех из них женщины нарушали режим. Вам тридцать семь лет, показатели в одном из анализов завышены, это прямое показание к обследованию.

– Те, кто при таких рисках не делали обследования, как у них обстоят дела?

– По-разному. Некоторые женщины уходили, не придавая значения анализам. Они были настолько уверены, что у них все хорошо, что спокойно ходили всю беременность. Других всю беременность мучили сомнения. Независимо от их мнения, рождение детей с хромосомными патологиями встречалось в обеих группах. Хотите знать наверняка состояние плода, обследуйтесь. Если количество и структура хромосом в клетках хориона нормальны, то хромосомные болезни у плода исключаются с вероятностью до 98 %.

Таисья, настроенная перед поездкой против всякого медицинского вмешательства, потихоньку оттаяла и стала задавать волнующие её вопросы.

– А какие могут быть последствия для ребёнка?

– Прокол делают в область плаценты, для этого перед процедурой проводят УЗИ, чтобы определить, как она расположена.

– Какой доктор будет делать прокол?

– Таисья Семёновна, вы напрасно беспокоитесь, врач, который берёт клеточки на анализ, хороший специалист.

– Хорошо, Елена Павловна, вы меня уговорили, – улыбнувшись, согласилась Тася.

– Вы правильно поступаете. Аня, выпиши направление на анализы и на хорионбиопсию, – обратилась доктор к медсестре. – С результатами анализа придёте в это крыло здания, на четвёртый этаж, – добавила она, подавая направления Тасе.

Накануне

В понедельник Таисья и Александр приехали в диагностический центр. Поднялись на четвёртый этаж к кабинету УЗИ, там уже сидела на кушетки молодая женщина. К ним подошёл высокий мужчина в белом халате, спросил:

– Кто на хорионбиопсию?

Тася и девушка подошли к нему.

– Вас двое? Значит, остальные передумали. Заходите по одной, я вас посмотрю.

Первой зашла Таисья, положила на стол результаты анализов. Доктор, бегло посмотрев их, предложил раздеться до пояса и лечь на кушетку. Смазав кожу гелем, он стал водить датчиком по животу.

– Расположение плаценты допускает провести прокол через брюшную стенку. Одевайтесь, подождите в коридоре, вас позовут.

– Скажите, пожалуйста, это больно?

– Перед процедурой, место прокола мы обезболим, не переживайте, всё будет хорошо.

– Спасибо за утешение, – произнесла Тася и вышла.

Они сидели с Сашей на кушетке в ожидании своей очереди. Напротив них на такой же кушетке расположилась молодая пара.

– Это больно? – Саша волновался за жену, больше чем она сама.

– Терпимо, – коротко ответила Тася.

– Может, ну его этот анализ. Мы же видели нашего малыша на УЗИ, и доктор сказал, что все параметры в норме. Давай уйдём отсюда, мне как-то не по себе.

– Ты хочешь, чтобы я все оставшиеся месяцы изводила себя, почему программа выдала такой результат? А вдруг что-то не так?

– И что?

– Ничего! Пожалуйста, дай мне сосредоточиться, прокол будут делать мне, а не тебе, – сердито огрызнулась Тася. – Саша, я здесь ещё долго буду находиться, тебе пора на работу, иди. Когда всё закончится, я позвоню, и ты меня заберёшь.

Саша наклонился, поцеловал её в щёку и ушёл.

Молодые люди напротив, перестали шептаться и испуганно уставились на дверь кабинета. В коридоре повисла напряжённая тишина.

– А если анализ будет плохой, ты женишься на мне? – неожиданно громко спросила девушка.

– Тогда ты сделаешь аборт. Зачем нам урод? – ответил парень.

Вопрос и ответ оглушили Тасю. В ожидании предстоящей манипуляции немножко кружилась голова, было страшно. Она задавала себе вопросы: «Зачем я сюда пришла?

Может, встать и уйти? Другие женщины не пришли и ничего страшного... А если пойдёт что-то не так, и я нанесу вред ребёнку?» – испуганно думала она, не зная, что предпринять.

Раздумья прервала медсестра. Выглянув из кабинета, она пригласила её на процедуру. Заметив бледное, с бисеринки пота лицо пациентки, доктор ободряюще улыбнулся и предложил присесть на стул, стоявший возле стола. Задав обычные вопросы о переносимости лекарств, он объяснил ей суть манипуляции и предложил пройти за ширму, раздеться до пояса и лечь на кушетку. Спокойный тон врача снял напряжение. Тасе хотелось только одного – чтобы всё закончилось как можно скорее.

Марлевым тампоном, смоченным резко пахнущей жидкостью, оказавшейся неожиданно холодной, медсестра обширно смазала кожу на животе. Врач в маске и стерильных

перчатках ещё раз уточнил место прокола при помощи датчика УЗИ и ввёл обезболивающее лекарство.

Тася увидела в его руке шприц с большой иглой.

– Сейчас я уколою, постарайтесь лежать спокойно, не шевелиться, – предупредил доктор.

Ей стало не по себе, она зажмурила глаза и почувствовала, как резко через ткани живота вошла игла, услышала, как будто что-то из неё откачивают. Врач вынул иглу и, повернувшись к столику, стал смотреть взятое вещество. Через некоторое время он с сожалением произнёс:

– По-моему, не удалось взять необходимое количество материала. Такое у меня бывает крайне редко. Процедуру придётся повторить ещё раз.

Медсестра торопливо вышла и вернулась с новым лотком, закрытым стерильной салфеткой. Доктор извинился, попросил ещё чуть-чуть потерпеть. Тася заметила, что он волнуется. Во второй раз было намного больнее, но прокол завершился удачно.

– Голова не кружится? – заботливо спросил он.

– Нет, голова не кружится, – торопливо одеваясь, ответила Тася. – Когда можно узнать результаты?

– Зайдёте к генетику, она всё вам объяснит.

– После процедуры нужно два часа полежать, пойдёте со мной, – пригласила медсестра.

В комнате стояло шесть кроватей. Тася расположилась у окна. Немного погодя вторую кровать заняла уже знакомая девушка.

– Серёжа – мой гражданский муж, – понимая, что Тася слышала их разговор, начала оправдываться соседка по комнате. – Вы не думайте, он хороший, просто у меня младший братик даун, его мама, как узнала о том, что я беременна, сразу потребовала, чтобы я анализы сделала. «Кому нужен внук урод?» – это она так сказала и Сергея настроила. Только Олежка не урод, он добрый, послушный, правда ему многое подолгу приходится объяснять. Маме врачи говорили, что его надо было в роддоме оставить, а потом в интернат сдать, но она их слушать не стала и домой забрала.

– Не жалеет? – чтобы как-то поддержать разговор, спросила Тася.

– Что вы! Мы его все так любим. Нас четыре девочки в семье, а мальчик один.

– А вы что будете делать, если анализы окажутся плохими?

– Наверное, аборт. Если бы мама знала, что Олежка даун, врачи бы ей тоже предложили аборт, но у нас в деревне тогда и не знали о такой консультации, поэтому он родился.

– Я не пойму, ваша мама жалеет, что у вас такой брат?

– Чего сейчас-то жалеть? Он уже родился.

Тасю начал раздражать разговор, она отвернулась к стене, закрыла глаза, сделав вид, что задремала. Соседка по комнате тоже затихла.

Через два часа позвонил Саша, сказал, что уже приехал.

– Я сейчас спущусь на первый этаж, зайду к генетику, – ответила ему Тася.

Постучав в кабинет, она поздоровалась с врачом, прошла и села на стул, стоявший возле стола.

– Ну, как самочувствие? Вас предупредили, что надо соблюдать ограниченный режим в течение двух дней и не поднимать тяжести?

– Самочувствие хорошее. Меня волнуют результаты анализа.

– Мы позвоним вам. Если будут какие-то отклонения, то я приглашу вас на беседу.

* * *

– Анализ будет готов в конце недели, – сообщила Тася, устраиваясь на сиденье автомобиля.

– Дай слово, что ты больше не будешь истязать себя никакими процедурами. У нас всё будет хорошо.

– Я не сомневаюсь в этом. Но так мне спокойней. Время как быстро летит, у Паши скоро день рождения, надо спросить, куда он хочет пригласить друзей, – напомнила она о сыне.

– Он говорил, что друзья хвалят «Таинственный остров», там есть аниматор, разнообразные аттракционы.

– Надо в «Спортмастер» заехать, я подарок ему ещё не выбрала. Паша батут хотел.

– Нет, сейчас домой. Тебе необходим покой. Мы с Максом купим подарки завтра.

– Домой так домой, – не стала возражать Тася.

Этого не может быть!

Утро было солнечным, ярким. Тася подошла к окну, раздвинула шторы и залюбовалась садом, пушистым от выпавшего ночью снега.

Чародейкою Зимою
Околдован лес стоит,
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит...

Вспомнив, Тася продекламировала вслух стихи, что читала на Новый год. Дома было тихо. Все уже умчались по своим делам: мальчишки в школу, Саша на работу, а она взяла три дня отгула, как советовала врач.

«Прошло уже два дня, осталось ждать ещё четыре, и я наконец-то успокоюсь», – посмотрев на календарь, подумала она и отправилась на кухню. Запах свежего кофе раздражил аппетит. Она достала заварные пирожные с кремом, купленные в соседней булочной и стала неторопливо завтракать.

Звонок телефона в уютной тишине был слишком громким, тревожным. На дисплее высветился номер врача генетика.

– Добрый день, Таисья Семёновна. Вам необходимо прийти ко мне на беседу. Сегодня я работаю до тринадцати часов, завтра до пятнадцати.

В голове всё поплыло, нашарив рукой стул, Тася аккуратно опустилась на сидение.

– Это даун? – с трудом произнесла она.

– Нет, у вас тетраплоидия. Приходите, я всё вам расскажу. До свиданья.

Грудь сдавило так, что дышать было нечем. Схватив кружку, Таисья выпила оставшийся кофе и машинально вытерла ладонью губы.

«Тетраплоидия... я ни разу не слышала такого диагноза», – мелькали в голове отрывки мыслей. Было так больно, что она даже не могла заплакать. Находясь в доме одной не было сил, схватив телефон, Тася набрала номер и, ничего не объясняя, попросила Сашу срочно приехать домой.

Через час они сидели в кабинете генетика. Из-за компьютера выглядывала та же приветливая медсестра, только улыбка исчезла с её лица, а взгляд был полон сочувствия.

– Елена Павловна, что показали анализы? – спросила Тася.

– Из шестнадцати взятых клеток у вас только четыре нормальных, с диплоидным набором, остальные тетраплоидные.

– Но тетраплоидные клетки чаще всего встречаются у растений?

Вместо ответа доктор взяла со стола толстую книгу, на которой было написано «Генетика» и подала Таисьи.

– Откройте где закладка.

Тася смотрела на подчёркнутые карандашом строчки. Первые три предложения давали определение, что такое полиплоидия, в четвёртом было написано, что у беременных женщин редко встречается тетраплоидия: два диплоидных набора хромосом вместо сорока шести в одной клетке.

Тася положила на стол книгу и взяла листок с анализами – 92XXYY чернели в строчках.

«Всё-таки мальчик, а я ведь анализ делала, не только из-за хромосом, хотела узнать, кто у меня. Мальчика, наверное, не так жалко будет, если придётся делать аборт», – подумала

она. От этой мысли внутри всё сжалось от боли. «Дура безжалостная!» – обругала она себя. – «Какая разница кто? Он же мой малыш!». Словно сквозь вату услышала вопрос мужа:

– Ошибки быть не может?

– Нет. Женщин в этот день было две. У второй анализы в порядке.

Сознание Таисьи словно раздвоилось. Часть её – жизнерадостная, счастливая, наслаждающаяся жизнью, которая верила, что с ней не может произойти чего-то плохого, бледной тенью стояла рядом со стулом и наблюдала, как вторая её половина хладнокровно анализируя, ищет выхода из сложившейся ситуации. Словно речь шла о каком-то существе, растущем у неё в животе, а не о её малыше. Тася не верила, что это происходит с ней.

– Доктор, были ли подобные случаи в вашей практике?

– У нас было три случая. Два закончились выкидышем, в третьем женщина сделала аборт. Плод при тетраплоидии обычно погибает в течение первых двух месяцев беременности.

– Можно узнать какой был возраст этих женщин?

– Той, что сделали аборт, было восемнадцать лет, двум другим не было ещё тридцати.

– Значит, мой возраст здесь ни при чём. У меня уже четырнадцать недель. УЗИ не показало никакой патологии у плода. Может, всё-таки ошибка?

– УЗИ не всегда выявляет скрытые пороки. Только генетический анализ показывает хромосомную патологию примерно девяносто восемь процентов. Мой долг предупредить вас: дети с таким диагнозом отягощены пороками развития.

– Почему в анализе клетки и тетраплоидные, и диплоидные, – спросила Тася, разглядывая анализ.

– Вы совершенно верно это заметили. В данном случае можно предположить мозаицизм, ограниченный плацентой.

– Что это?

– Это когда идёт сбой в делении клеток плаценты, а у плода всё нормально. Для уточнения этого диагноза необходимо ещё одно обследование – кордоцентез, но он выполняется не ранее восемнадцати недель, оптимальным является срок двадцать две – двадцать четыре недели. Аборт на таком сроке делать будет поздно, только искусственные роды.

– Я подумаю.

– У нас такого анализа не делают. Иркутск наших пациентов последнее время не берёт. Вам нужно будет обращаться туда самим.

– Дайте, пожалуйста, номер телефона.

Врач написала на бумажном квадратике номер. Александр взял со стола листочек, машинально скрутил в трубочку.

Шок от услышанного смешал в его голове все мысли. Мир, который они строили с Тасей все эти годы, рушился. С одной стороны, сухие факты исследования, которые говорили, что шансы родить нормального ребёнка ничтожно малы; с другой стороны, надо было решиться убить своего смешного малыша, который теребил нос, играл пуповиной и совсем не походил на монстра. Душа от одной этой мысли кричала от горя.

– Спасибо, доктор, мы всё обдумаем и скажем, что решили, – произнесла Тася, поднимаясь со стула.

Всю дорогу до дома они молчали, чувствуя боль другого, каждый боялся ненужным словом растревожить её ещё сильнее.

* * *

Пока Тася переодевалась, Александр попросил сыновей оставить их с мамой вдвоём.

– Пап, я хотел рассказать, кого пригласил на день рождения, – обиженно протянул Паша.

– Мы это обсудим позже, а сейчас отправляйтесь наверх.

Мальчишки, заметив расстроенное лицо отца, ушли.

Тася, как раненый зверь, металась по комнате. Саша сидел на диване, молчал.

– Скажи, за что это нам? Врач во время УЗИ сказал: «Детей уродов Господь даёт родителям за тяжкие грехи их». Саша! Какие тяжкие грехи мы совершили?! Алкаши, беспробудные пьяницы совокупляются и рожают нормальных детей! Мы с тобой не пьем даже пива, не курим, спортом занимаемся, а у нашего ребёнка генетические нарушения! Я не верю этому! Не верю! – она схватила стоявшую на столе вазу и с размаху бросила её на пол. Осколки хрустала брызнули в разные стороны. Пройдя по битому стеклу, Тася рухнула на кровать и глухо зарыдала в подушку.

На грохот в комнате родителей примчались сыновья, заспорили у дверей, не решаясь войти.

Саша вышел, прикрыв за собой дверь.

– Что случилось? Почему мама плачет? – испуганно спросил Паша.

– Ничего страшного, просто уронила вазу.

– Ты никогда нас не обманывал, – внимательно глядя в глаза отцу, сказал Максим.

– Я не обманываю вас. Принеси щётку, совок и оставь у дверей, потом отправляйтесь к себе в комнаты, – сердито произнёс отец и, хлопнув дверью, вернулся в комнату.

– Тася, давай поговорим. Только не надо бушевать, мальчишки уже напуганы, – устроившись на краешек кровати и поглаживая жену по спине, успокаивающе произнёс Александр.

Она села рядом, уткнулась ему в плечо.

– Я не могу поверить, что это происходит с нами. Саша, я совсем недавно студентам лекцию читала, что генетический анализ позволяет вовремя выявить нарушения у плода и сделать аборт. Я искренне думала, что так и надо поступать. А сейчас, когда это коснулось нас, я не знаю что делать. А если они ошиблись и он нормальный?

– Конечно, нормальный, мы его с тобой видели. Полежи, успокойся, а я чай тебе принесу.

– Нет! Пойдём вместе на кухню. Ты потом с мальчиками кино посмотри, успокой их, а я в Итернете поищу информацию о тетраплоидии.

Зачем тебе это надо?

– Ты же знаешь, я не могу иначе. Я должна найти ответы и всё проанализировать.

– Хорошо!

* * *

Когда Александр ушёл к сыновьям, Тася достала из кармана телефон, включила ролик, с записью первого скрининга. Она прокручивала запись раз за разом, разглядывая крохотного человечка – ручки с короткими пальчиками, слегка согнутые в коленях ножки, головка с оттопыренными ушками, на лице выделяется курносый носик, глазки, ротик – всё было в порядке. Он ничем не отличался от обычного ребёнка, только был ещё совсем крохотный. Ей надо было добраться до истины: почему злая судьба отметила малыша, наделив не присущим человеку набором хромосом, да и была ли у него эта отметина? В первую очередь она открыла библиотеку диссертаций и авторефератов, чтобы найти исследования по тетраплоидии. Из всего прочитанного она сделала неутешительный вывод: Елена Павловна была права. Риск ошибок составлял мизерный процент, они чаще встречались, когда выявлялся мозаицизм, ограниченный плацентой. Информации о детях, родившихся с тетраплоидией,

тоже не было. Во всех научных трудах писали, что плод с удвоенным набором хромосом нежизнеспособен, если он и рождается, то с множеством физических дефектов.

«Может, это всё-таки ошибка в анализе, сделанном в лаборатории? Надо посмотреть, часто ли встречаются ошибки генетиков», – размышляла Тася, задавая «поисковику» вопросы, отыскивая примеры в интернете. На одном из сайтов она нашла то, что искала. Женщины обсуждали врачебные ошибки и рассказывали о детях, родившихся здоровыми, вопреки поставленным анализам и исследованиям:

«Врач мне сказала: с такими анализами, как у меня, одна из восьмидесяти пяти мамаш рождает ребёнка с патологиями, что риск очень высокий, и отправила к генетику. Та сообщила мне, что 70 % это будет даун, 30 %, что ребёнок родится с пороками, и велела срочно делать хорионбиопсию. Я отказалась, так как только что выписалась из больницы, где лежала на сохранении. Еле дожидая до второго скрининга. Всё было хорошо, но червячок сомнения оставался. В итоге беременность до тридцати двух недель на нервах, в постоянном страхе, потом экстренное кесарево сечение. Ребёнок родился весом 1380 грамм. Полтора месяца пролежали в больнице... в общем, ужас, проблем было много, но ни синдрома Дауна, ни хромосомных патологий у моего малыша нет!»

«Если вы готовы к тому, что ребёнок родиться больной, то рожайте. Может, вам повезёт, как и мне. Мне про первого сказали, что даун. Родился здоровый. Но второй раз я бы не вынесла такого состояния во время беременности. Подумайте, сможете ли воспитывать больного малыша? Если к трудностям не готовы, то не рожайте. Но с другой стороны, Бог никогда не даёт нам испытаний, которые мы не в силах перенести. Вам решать, сможете ли вы полюбить особенного ребёнка?»

Тася слышала, как скрипнула дверь, подошёл Саша, встал за спиной, обнял за плечи.

– Время четыре часа утра. Пошли спать.

– Пошли... Я нашла примеры, что врачи могут ошибаться с диагнозом, но в большинстве случаев женщины пишут о рисках, которые выявляют после скрининга. Почти никто не говорит об ошибках при хорионбиопсии. Они почти все пишут, что до конца беременности мучились от неизвестности, сомнений, жизнь превращалась в кошмар. А самое печальное, Саша, что я не встретила ни одного комментария про тетраплоидию, кроме научных статей, и то, всё поверхностно и скудно.

– Тебе вредно так много сидеть за компьютером. Посмотри, какие у тебя черные круги под глазами.

Тася посмотрела на измученное лицо мужа, спросила:

– Ты что, тоже не спал?

– Не могу... Лежал, думал, как вам с малышом помочь и ни одной светлой мысли в голову не пришло. Я ещё никогда не чувствовал себя таким беспомощным.

– Тебе завтра на работу. Надо хотя бы немного уснуть, – Тася прислонилась головой к Саше, погладила его руку, лежавшую на её плече.

– Завтра у Паши день рождения. Ты поедешь с ним? – спросил он.

– Конечно, поеду. Он так ждал этого праздника.

– У меня заказчик, я не смогу рано появиться в развлекательном центре.

– Приезжай сразу, как освободишься. Павлик будет ждать.

– Обязательно!

Поиск выхода

Тася лежала, не открывая глаз. Александр утром позвонил её шефу, попросил дать ей ещё один день отгула, поэтому на работу сегодня она не пошла. Скоро муж привезёт мальчишек со школы. Паша так ждал этого дня, пригласил своих друзей в «Таинственный остров». Дни рождения сыновей были самыми радостными и весёлыми в их семье.

Надо было вставать, ходить, разговаривать, даже улыбаться в ответ на чьи-то шутки. Но сил на это просто не было.

Она забралась в душевую кабину, долго стояла под горячими струями воды. Протёрев краешком полотенца запотевшее от пара зеркало, взглянула на отражение – на неё смотрела усталыми, пустыми глазами чужая женщина.

«Так нельзя! Пусть душа плачет от боли, но сегодня она будет улыбаться и праздновать. Паша не виноват, что беда постучала в наш дом», – Тася решительно повесила полотенце и отправилась выбирать платье.

* * *

Клоун в рыжем парике, с красным пластиковым носом на резинке и нарисованным улыбающимся ртом, весело и громко приветствуя, встретил их в дверях развлекательного центра. Он быстро привлёк внимание ребят смешными шутками. Выяснив, кто сегодня главный герой, предложил Паше прогуляться по сказочному лабиринту, пообещав, что именинник и его друзья отыщут там массу весёлых сюрпризов. Клоун предложил Таисье пойти с ними, но она вежливо отказалась. Поцеловала сына, поторопила:

– Ну, что же ты стоишь? Иди, развлекайся, все тебя ждут.

– А ты?

– А я здесь, за столиком посижу, кофе выпью. Иди.

Махнув на прощанье рукой, Паша побежал догонять друзей, которые уже скрылись в искусственной роще, закрывающей вход в лабиринт.

«Как хорошо, что сейчас нет проблем с детскими праздниками. Аниматор всё сделает за меня», – с облегчением подумала она, устроившись за столик, стоявший под пластиковой пальмой. Вспомнив, что с утра ничего не ела, заказала официантке кофе и слоёное пирожное.

Чтобы не ввергнуться снова в пучину отчаяния, Тася вспоминала, как в прошлом году, по предложению Александра, справляли день рождения младшего сына дома. Нарядившись в костюмы пиратов, они вместе с Максом, разыграли перед Павликом и его друзьями целое представление, а потом устроили настоящий пир. В этом году Паша снова хотел придумать что-нибудь подобное, но папа поговорил с ним, и тот согласился сходить в развлекательный центр.

Воспоминания не помогали. Мир разломился на две половины – до и... после. «До» было солнечным, добрым, пронизанным счастьем, мечтами, «после» – скрывала тьма. Раздумья прервали весёлые голоса и смех ребят. Первыми на импровизированную поляну выскочили Даша и Катя, с которыми Паша дружил ещё с детского сада. Девочки, несли груды мягких игрушек, воздушных шариков, разноцветные книжечки, с трудом удерживая их в руках. Следом за ними появился сын и три его друга.

– Мама, смотри, сколько я призов выиграл! – он вывалил перед ней на стол разноцветный ворох. – Там так здорово! Зря ты не пошла.

– Вы, наверное, проголодались. Нам уже накрыли стол, идите мыть руки и будем пировать, – улыбаясь, пригласила Тася.

– Ура – а-а! – закричал Димка. – Я так проголодался, пока по лианам на остров перебрался. Всех опередил!

– Зато я из воздушной пушки корабль пиратов с трёх выстрелов потопил! – похвастался Павлик.

– А я быстрее всех по трубе прополз и спас наш лагерь, – вмешался в спор Серёжа.

– Вы все молодцы, и мальчики, и девочки! Только, пока спорите, ваш обед слопают обезьяны! Побежали мыть руки! – клоун схватил за руки Павлика и Дашу и, мелко семеня, заторопился в сторону туалетной комнаты, остальные последовали за ними.

После обеда Тася хотела отвезти ребят домой. Но детворе так понравилось в развлекательном центре, что они стали уговаривать её остаться ещё ненадолго. «Саша задержался, всё равно надо его подождать, пусть веселятся», – уступая просьбе, решила она.

Александр, забрав Максима после школы, приехал через час. Сдав гостей Павлика их родителям, они поехали в «Галактику», где можно было поужинать и дать возможность мальчишкам ещё поиграть на аттракционах, пострелять в тире.

– У тебя такой усталый вид, прости, раньше не мог освободиться, – извинился муж, когда остались вдвоём.

– Не обращай внимания, просто не выспалась.

Разговор не получался. Александр замолчал, отвернулся в сторону зала, где веселились сыновья, Тася тоже смотрела на них. «Где найти ответ на единственный вопрос? Сейчас они беззаботны, ничто не омрачает радость. Если ребёнок родится с патологиями, иначе говоря «овощем», мне надо будет находиться возле него неотрывно. Люди любопытные, будут спрашивать у сыновей «Как ваш братик?», а они будут прятать глаза, стыдиться, замкнутся в себе. Мне ли не знать, какую травму получают дети, в семье которых живёт такой ребёнок. Имею ли я право вваливать на них эту ношу?» – думала она, глядя на хохочущих мальчишек, и тоска тисками сжимала сердце.

Домой вернулись поздним вечером. Саша переоделся и ушёл к себе в кабинет, сказал, что надо подготовить документы. Мальчишки, устав от праздника быстро утомонились. А Тася снова села за компьютер. Никто на всём белом свете, кроме неё, не мог решить: жить малышу, что рос сейчас у неё в животе, или прервать эту жизнь, чтобы не обрекать на муки ни его, ни самых близких для неё людей. Снова перед глазами сухие строчки исследований, таблицы; снова рассказы женщин об испытаниях, выпавших на их долю во время беременности. Но никто из них не писал о тетраплоидии. Неожиданно она увидела знакомые цифры: 92 хромосомы ХХУУ. Женщина по имени Ирина писала:

«Когда мы столкнулись со столь тяжелой ситуацией, я очень искала подобные случаи, поэтому пишу подробно, может, кому-нибудь пригодится мой опыт! Мы приехали в Казань, у меня взяли хорионбиопсию и анализ показал 92 хромосомы ХХУУ. Наш мальчик набрал двойной набор хромосом, это очень редкий случай, врачи толком не могли понять, как это произошло. Генетик принесла книжку, искала информацию для нас, но ее оказалось слишком мало. Она убедила нас прервать беременность, сказав, что это не совместимо с жизнью. Мы пошли собирать подписи консилиума и сдавать анализы, флюорографию, в том числе. Как я ревела перед флюорографией! Не хотела заходить, сердечко чувствовало, что не надо, но меня врачи уговорили. Когда пришли подписывать к заведующей отделением, я просила ее быстро подписать заключение, чтобы уйти, сил уже ни на что не было. Но она сказала, что будет ещё смотреть меня на УЗИ сама. Смотрела минут сорок. Очень удивилась, что направили на аборт, потому что мальчик соответствовал всем параметрам данного срока – никакого воротничкового пространства, никакого реверса сосудов (хотя он до этого был) и с сердцем все отлично. Заведующая предложила оставить ребёнка до двадцати двух недель, потом сделать еще раз прокол и взять ДНК из пуповины. Генетик на нее наорала, мол, все равно ребёнок не доживет до этого срока, что при такой патоло-

гии плод умирает в утробе матери на третьей – четвёртой неделе. Бедный мой малыш! Столько уже пережил – и прокол, и такой мамин стресс. Я же рыдала сутками, не ела, не спала. Мы решили послушаться заведующую отделением, написали отказную и поехали домой. Сегодня ходила к своему гинекологу, а она сказала: Я бы сделала аборт, не рискнула, если он все-таки родится, будет либо мутантом, либо сверхчеловеком, у нас такого случая в городе никогда не было, ты очень смелая. В интернете нашла, что пишут ученые: «Развитие тетраплоидов человека сопровождается пороками формирования многих органов, и лишь крайне редко такие зародыши вступают в плодный период, обычно они погибают в течение первых двух месяцев беременности. Однако в специальной литературе описаны всего пять живорожденных детей с тетраплоидией. Все дети имели разнообразные пороки строения тела, и срок их жизни не превышал несколько месяцев. А наш развивается согласно сроку... парадокс. Теперь мы ждем, верим и молимся... вот такая штука эта природа».

История, рассказанная Ириной, так была похожа на её случай! Тася листала переписку женщин, искала записи Ирины:

«Мы сделали кордоцентез. Очень долго ждали результата. А теперь хорошие долгожданные новости: КАРИОТИП НАШЕГО МАЛЫША 46ХУ. Долгожданные цифры, наверное, теперь мои самые любимые. Когда мне позвонили и сообщили результат (через три недели), я рыдала от счастья два часа, наверное, не помню точно, потому что время остановилась. Я самая счастливая! Спасибо зав. отделению в городе Казани, которая не подписала консилиум и спасла нашего малыша. Дай Бог ей здоровья и всей ее семье! Благодарю Бога, что услышал наши молитвы и дал нам силы и духа все это пережить. Не спрашивайте, что бы я сделала, если бы результат был иным. НАШ СЫНОК ЗДОРОВ, И НА ЭТОМ ТОЧКА!!!!!!»

Ниже она нашла ещё одно небольшое сообщение:

«Если кому интересно, 6 февраля 2013 года я родила совершенно здорового малыша, 3850 грамм. Ура – а–а!!! Я теперь мама!!!»

«Он родился того же числа, что и Павлик. Сегодня сыну Ирины исполнился год», – подумала Тася.

Вопросы без ответов кружили в голове. Кто мог дать правильный совет. Родные? Они, как только почувствуют угрозу для её здоровья, единогласно скажут: не рисковать и прервать беременность. Подруги! Она зашла в «Одноклассники». Те, кто был нужен, давно уже спали. Взгляд наткнулся на мигающий огонёк. Отец Виталий, вот с кем можно было поговорить обо всём! Тася вспомнила сон про мужской монастырь, о котором часто вспоминала, а вдруг он какой-то знак свыше? Она написала:

– Отец Виталий, здравствуйте! Кроме Вас не у кого спросить. Недавно мне приснился Нерчинский Успенский мужской монастырь. Ни разу там не была, видела в юности его разрушенные стены, когда проезжала на поезде. Во сне он был восстановленный, чистый, расписанный, но недействующий. Там был человек, который его охранял. Я ходила и рассматривала иконы, написанные на стенах. Утром проснулась и подумала, что нужно туда съездить. Может, вы подскажете, почему он мне снился? Заранее, спасибо.

– Тася! Здравствуй! Может, тебе было Божественное Откровение в такой форме. Возможно, будешь помогать восстанавливать монастырь. Я в своё время увидел во сне храм в Сретенске, через год уже работал там, а ещё через год стал священником.

– Тревожу вас ещё по одному, важному для меня вопросу. Я молилась, чтобы Господь дал нам ребенка, сейчас ждем третьего сына. Правда, со вчерашнего дня у нас начались испытания. Генетик предположил, что у него есть хромосомные отклонения – тетраплоидия. Я перечитала все научные статьи, нет не одного подобного случая нормально развивающихся детей. Все беременности не донашивают до двенадцати недель и множество поро-

ков развития. Но у нас по УЗИ все хорошо, и уже пятнадцатая неделя. Генетик говорит, в таких случаях надо делать аборт, а я сомневаюсь. Утром я опять вспомнила про этот сон. Может, это знак?

– Возможно, сон – подсказка... Возле города есть женский монастырь. Съезди туда, попроси, чтобы молились за тебя и ребёнка, расскажи свою историю. Тебе помогут.

– Честно скажу, вначале, после вынесенного приговора о тетраплоидии, мысль об аборте была. Но из головы не выходит, как на УЗИ он нам ручкой махал, и сон вспомнила... как-то все к одному. Как будто со мной говорят ... Про женский монастырь тоже думала, обязательно поеду.

– Тася, аборт – смертный грех. На всё воля Божья! Если будешь верить Господу нашему, то всё будет хорошо.

– Спасибо за совет. Больше вас не беспокою, спокойной ночи.

* * *

– Лиза, что ты не спишь и мне не даёшь, ходишь туда-сюда, – сердито проворчал на жену Семён Андреевич.

– Что-то тревожно мне за Тасю. Из головы не выходит её поздняя беременность... Надо или отпуск брать, или вообще уходить на пенсию и побыть это время с ней.

– Давно пора на отдых! Я уже год как свободный человек, а ты всё со своей больницей расстаться не можешь.

– Было бы кому меня заменить, ушла бы.

– Не придумывай! Это тебе главный врач внушил, какая ты незаменимая. Ему хорошо на тебя все дела сваливать, а ты рада стараться.

– Спи уже, завтра в дорогу! Я Тасе позвонила, что приедем поздравить Павлика на день позже. Они сегодня в развлекательный центр ходили, а я хочу по-семейному, дома отпраздновать. Жаль, что Татьяна не сможет приехать.

В этот день в семье Михайловых больше всех ждал приезда деда и бабушки младший внук. Накинув пуховик, он выбегал из дома, чтобы посмотреть, не едут ли долгожданные гости, и встретил их у ворот первым.

– Вот, кажется, такой как ты хотел, – довольно улыбаясь, произнёс дед, вынимая из багажника машины спортивный велосипед, о котором давно мечтал Павлик.

– Спасибо, деда! – сияя глазами, обнял его внук.

– А меня? – делая вид, что обижена, спросила Елизавета Петровна.

– И тебе, бабуля, спасибо! – освободившись из объятий, кинулся к ней Паша.

– Какой ты у меня стал большой! – целуя, растроганно промолвила она. – Где родители? Что-то не встречают нас?

– Они стол накрывают, а я вас с утра ждал.

За грехи наши...

После обеда Тася и Елизавета Петровна уединились наверху в гостевой комнате.

– Чувствовало моё сердце, что с тобой что-то не так. Почему сразу мне не позвонила? – выслушав рассказ дочери, горестно вздохнула мать.

– Я тогда вообще никого видеть не могла, хотела побыть одна.

– Понимаю... Я бы тоже, наверное, так поступила. Сколько уже недель беременность?

– Аборт ещё можно сделать.

– Скрининг показал, что параметры у малыша в норме. А вдруг в анализе ошибка?

– А если нет? Я боюсь, что это разрушит нашу семью. Я боюсь потерять мужа.

– Ты своей наукой совсем голову себе заморочила! Саша не такой, чтобы тебя в беде оставить, – защитила зятя Елизавета Петровна.

– При чём здесь наука! Я не могу на них всё это повесить, страшно даже представить такое будущее... С другой стороны, если это ошибка и малыш нормальный, я никогда не прощу себе что убила его.

Помолчав, Тася добавила:

– А ещё она сказала, что это может быть мозаицизм, ограниченный плацентой.

Я кое-что нашла из исследований этой патологии, но очень мало.

– Что это такое?

– Это когда идёт сбой в делении клеток плаценты, а не у плода.

– И как-то это может отразиться на ребёнке?

– Такая патология обычно не вызывает нарушений в развитии ребёнка. Нужно только следить, чтобы не развилась фетоплацентарная недостаточности. В одной из диссертаций, где описывался мозаицизм плаценты, я читала, что она может не выполнять полностью своих функций и роды у женщин начинаются раньше срока. При хорионбиопсии берут клетки формирующие плаценту, в двух процентов случаев они могут не совпадать с кариотипом плода.

– Тогда нужно сделать более точный анализ кордоцентез, который покажет набор хромосом у ребёнка.

– У нас такого анализа не делают, надо ехать в Иркутск.

– Значит, поедете. Мы с отцом останемся с внуками.

– Надо ждать до двадцати – двадцати двух недель. Может быть, всё зря? И я цепляюсь за мифические два процента, как за последнюю надежду? Мама, я так устала от неизвестности. С самого начала беременности какие-то страхи накатывались, словно чувствовала: что-то не так, – всхлипнув, произнесла Тася и прижалась к плечу матери.

Елизавета Петровна обняла дочь, пытаясь, как в детстве, укрыть от всех бед.

– Всё будет хорошо, доченька, всё будет хорошо. Ты не думай о плохом, мысли, они материальны.

– Это сказать легко – не думать. Мысли в голову одна страшнее другой лезут. Нам врач, когда делал УЗИ, сказал: «Детей уродов Господь даёт родителям за тяжкие грехи их». И я вот всё думаю, за какие грехи нам это? Мне так тяжело! Я не знаю, что делать.

– Не придумывай! Какой может быть на вас с Сашей тяжкий грех? Работаете, детей воспитываете, нам помогаете. В храм сходи, помолись, может, сердце успокоится.

– Вот и отец Виталий так же говорит. Я с ним переписывалась вчера в «Одноклассниках». Он посоветовал мне съездить в женский монастырь, что за городом.

– Отец Виталий плохого не посоветует, съездите обязательно. Там подскажут, как быть.

– Поедем на той неделе, – Тася высвободилась из объятий и, глубоко вздохнув, попросила: – Ты прости, что я ничего не сообщила вам сразу, знала, что расстроитесь.

- Да разве сейчас в нас дело... Может, мне остаться, пожить у вас?
- Зачем? Будешь смотреть на меня вот такими глазами? Ты думаешь, мне от этого будет легче? Нет, поезжайте домой. Отцу ничего не говори. Ты хотя бы понимаешь, что для меня угрозы нет, а он придумает что попало...
- Хорошо, уедем! Только обещай больше ничего от меня не скрывать.
- Прости, мама, что так негостеприимно встретила. Но мне с этим надо справиться самой.

* * *

За окном машины проносились поросшие лесом заснеженные сопки. В салоне было тепло, уютно урчал мотор. Семён Андреевич, пытавшийся в начале пути разговорить жену, оставил её в покое и, чтобы веселее было ехать, включил радио. Елизавета Петровна молчала, погрузившись в тяжёлые раздумья. Вчера, когда дочь спросила: «За какой тяжкий грех им такое наказание?», она даже возмутилась «Надо же было придумать такое!». Но ночь выдалась бессонной, почти до утра она перебирала в памяти то, что давно старалась забыть:

«Видно, за мои грехи, доченька, наказал тебя Господь! – с горечью думала она, стараясь задавить боль в груди. – Мы тогда даже грехом это не считали. Думали, долг исполняем – избавляем женщин от беды. Работали в операционной, как на конвейере. Сил хватало только на то, чтобы успеть сделать запланированное на день. Роботы равнодушные.

А оно вон как догнало... Как я могу тебе рассказать, что значит аборт на большом сроке? Ребёнка выскребают по частям, а потом его утилизируют с другими отходами. Про малое кесарево и говорить страшно! Ребятишек вытаскивали из матери живыми, некоторые пищали, а их, как котят в ведре с водой топили! Не выдержала я тогда больше недели в той операционной, попросилась в другую. Только грех-то, всё равно на мне остался», – думала она, украдкой вытирая невольно бегущие по щекам слёзы.

- Может, скажешь, что произошло у дочери? – не выдержав, спросил муж.
- Жалко мне её, токсикоз, беременность тяжёлая...
- Что-то раньше я не замечал, чтобы ты из-за этого плакала.
- Старею, наверное, сентиментальной стала, – отыскивая в сумочке платочек, ответила Елизавета Петровна.
- Значит, не расскажешь что за беда у Таси?
- Ты на дорогу смотри, не отвлекайся, а то накликаешь беду на всех, если аварию сделаешь, – сердито ответила жена и отвернулась к окну.

Однако дома не выдержала и, несмотря на дочерин запрет, вечером всё рассказала мужу.

– Я, конечно, ничего не понимаю в вашей медицине, только неоткуда в нашей семье плохому семени взяться. Пустое, все эти анализы. Нормальный внук у нас родится и больше чтоб я таких разговоров не слышал, так и Тасе передай, – хлопнув ладонью по столу, сурово сказал Семён Андреевич. Потом помолчав, посоветовал: – Ты сватье позвони, а то она там от такой новости, наверное, с ума сходит.

- Да позвонила уже, плачет она и тоже твердит, что не верит никаким анализам.
- Ну, вот и хорошо. Спать пора, что-то устал я с дороги.

Монастырь

Всехсвятский женский монастырь находился километрах в двадцати от города. Тася и Александр выехали после обеда, и, пока добрались до нужного места, время перевалило за полдень. Зимнее холодное небо, затянутое тучами, навевало на землю сумрак. Казалось, что солнце вот-вот закатится за заснеженные сопки и наступит ночь.

Они оставили машину возле зелёной металлической ограды и через большие ворота, которые оказались незапертыми, вошли на территорию монастыря. Разметённая от снега дорожка, выложенная бетонными плитками, вела мимо резной беседки к двухэтажному кирпичному зданию с луковичной главкой. Отыскав вход с иконой Иисуса Христа над дверью, они перекрестились и вошли в помещение церкви.

Посетителей в притворе не было. Только в церковной лавке за витриной стояла пожилая монахиня. Взгляд матушки, светящийся добротой и участием, ободрил обоих. Она приветливо улыбнулась, словно ожидала их прихода. Тася спросила, как к ней обращаться.

– Матушка Василина, – ответила та.

– У нас случилась беда, мы приехали к вам за помощью, – начала рассказывать Тася о том, что привело их в обитель. Она поведала женщине в чёрном одеянии всё, что накопилось за время, прошедшее после приговора, вынесенного её ребёнку. Сбиваясь и возвращаясь к уже сказанному, она говорила о своих метаниях в поисках правильного решения, о боли и страхе, что преследовали её. Монахиня, глядела на Таисью спокойными мудрыми глазами, внимательно слушала сбивчивый рассказ, ни разу не перебив. Когда Тася замолчала, матушка подала ей и Александру свечи и сказала:

– Аборт – это смертный грех. Надо помнить: что бы с нами ни случилось, на всё есть воля Господа нашего. Молитесь.

– Я не знаю таких молитв, матушка Василина, – покраснев, произнесла Тася.

– Слова сами придут, сердце подскажет.

Они вошли в моленный зал. В вечернем полумраке мерцали лампы, на высоких подсвечниках горели свечи, пахло ладаном и расплавленным воском. Перекрестившись, Тася и Александр зажгли свечи и поставили их у икон Христа Спасителя и Пресвятой Богородицы. Маленький храм был наполнен покоем. Возникало чувство присутствия какого-то доброго духа, глубоко проникающего в душу, от этого приходило ощущение единения, слияния с окружающим. Вера во всемогущество Господа, о которой они вспоминали только при случае, нахлынула остро, осязаемо.

– Господи! Помоги мне вынести то, что послал мне в испытание. Я не знаю, за что оно мне, но верю, заслужила его. Прости меня, грешную, что замыслила убить дитя своё рожденное, которое сама же вымолила у тебя, – шептала она слова, идущие от самого сердца.

Слёзы текли по щекам, принося облегчение, смывая с души накипь, которой она покрылась, следуя за холодным рассудком. Тася просила милости для ребёнка и защиты от тьмы, что окружила её, благодарила за надежду, которая пришла на место отчаяния. Излив в молитве свою боль, она замолчала, глядя на лики святых просветлённым взглядом. Горячая ладонь Саши коснулась её руки. Не говоря друг другу ни слова, они перекрестились и вышли из храма. Матушка Василина ждала в притворе.

– Вы знаете, мы чаще стали надеяться на себя и забываем уповать на Господа, – заговорила она. – Вам нужно оставить гордыню, доверить себя воле Божьей и молиться.

Слова матушки были как откровение. Она словно открыла в тёмной комнате окно, и свет пролился на то, что они знали всегда, но разум закрывал доступ к пониманию простых и понятных заповедей: «Верь в Господа своего, возлюби ближнего своего, не убий ...»

– Спасибо! – благодарно произнесла Тася.

Они вышли из церкви и остановились на крылечке, поражённые произошедшей переменой. Тучи, накрыв монастырский двор лёгкой порошей, развеялись. Белоснежное покрывало искрилось под лучами вырвавшегося из плена облаков солнца, освещая всё вокруг неземным сиянием.

– Божью благодать ангелы принесли, – сказала матушка Василина, которая вышла из храма следом за ними.

– Хорошо-то как тут, спокойно... даже уезжать не хочется.

– Пошли, прогуляемся, – предложил Александр, взяв жену за руку.

Они брели по дорожкам мимо монастырской звонницы, келейного корпуса, хозяйственного двора, гостиницы для паломников.

– Тася, я понимаю, какой это был удар для тебя, поэтому молчал, ждал, когда ты успокоишься, перестанешь искать ответа в интернете, и захочешь поговорить со мной, – начал разговор Саша. – Я рад, что мы приехали сюда. Твоя беседа с матушкой Василиной на многое мне открыла глаза. Ты боишься, что если ребёнок родится больным, я не выдержу такой ноши, и уйду из семьи. Как ты могла подумать обо мне такое! Малыш – мой сын. Мы вместе отвечаем за его судьбу. Я категорически против аборта. Мы пройдем этот путь вместе, до конца, каким бы тяжким он ни был. И прошу тебя, говори мне обо всём, что тебя тревожит. Я не могу больше выносить твоё молчание и пустой взгляд в никуда.

– Этот разговор ждали мы оба. Не буду обманывать, я, действительно, боялась потерять тебя. Ты молчал всё это время, и я решила сделать страшный выбор сама. Ты даже не представляешь, какой груз снял с меня, приняв решение за нас двоих. Да, мы будем бороться за нашего ребёнка, и верю, что Господь услышит наши молитвы.

Чтобы обрести веру в благополучный исход, Таисья и Александр решили считать, что тетраплоидный набор клеток был у плаценты, а не у плода. Вероятность такого диагноза, была всего два процента, но они ухватились за них, как утопающий за соломинку.

Перинатальный центр

Настало время идти на приём в женскую консультацию. Ларисы Владимировы уже не было – ушла в декрет, приём вела пожилая акушерка. Судя по рассеянному виду, с которым та выслушала рассказ пациентки, она впервые услышала о мозаицизме и тетраплоидии и совсем не разумела, зачем сохранять беременность, если у ребёнка ставят хромосомную патологию.

– У меня тянущие боли в животе, к вечеру матка в тонусе, – пожаловалась Тася.

Внимательно выслушав пациентку, акушерка предложила лечь в стационар на сохранение и выписала направление в гинекологическое отделение, пятиэтажное здание которого находилось на улице Курнатовского. Тася вышла из поликлиники расстроенная, понимая, что нужной помощи она здесь не получит. Все хорошие специалисты перевелись в недавно открытый Краевой перинатальный центр, оснащённый самой современной аппаратурой. Городских пациенток в краевую поликлинику на учёт не ставили, но Тася решила добиться перевода туда.

Она приехала домой и пожаловалась мужу, что её кладут в больницу на сохранение без всякого обследования.

– Тонус ли это? А может, что другое? Я не хочу в стационар.

– Давай сделаем УЗИ, пусть специалисты посмотрят, всё ли в порядке с малышом, – предложил Саша.

– Я уже пыталась это сделать. Меня без направления не принимают. А акушерка сказала, что повторно делать УЗИ ещё рано.

– Вот проблема! Давай позвоним в платный кабинет и запишемся на приём.

На приём они записались уже в конце рабочего дня. В этот раз их встретила энергичная, улыбчивая женщина лет тридцати пяти.

– Какой у вас срок? – спросила она.

– Семнадцать недель. Я делала хорион-биопсию, и нам поставили тетраплоидию, а на первом скрининге сказали, что все параметры плода в норме. Меня последнее время тонус матки беспокоит, акушерка направила в стационар, но я решила сначала обратиться к вам.

Врач долго, тщательно смотрела ребёнка, приговаривая:

– Это в норме, и эти параметры в норме, никакой патологии я не нахожу.

Неожиданно в её кармане заиграла на телефоне весёлая музыка, и малыш на экране монитора активно задвигал ручками и ножками.

– Ой! Смотрите, он же танцует! – воскликнула Тася.

– Да, мы в таком возрасте уже реагируем на звуки, – улыбаясь, сказала доктор. – Вы знаете кто у вас?

– Да, это единственное что мне известно на сто процентов.

– Отклонений в развитии вашего мальчика я не нашла, а вот плацентастораживает. Она короче и толще, чем должна быть в эти сроки. Тонуса нет.

– Что же тогда тянет живот?

– Может быть, тяжесть возникает из-за расположения плаценты на передней стенке матки? Чтобы облегчить животик, нужно носить бандаж. А ещё, вам необходимо успокоиться. Тяжесть может возникать и из-за стресса.

– А специалисты по УЗИ могут ошибаться?

– Редко, но бывает. Пришла ко мне молодая мама. Я посмотрела её – ребёнок нормальный, чётко видно, что девочка. Потом она приходит перед родами. Я смотрю и не верю своим глазам. На экране хороший, активный мальчик. До сих пор не могу истолковать себе тот феномен. Порой всё объяснить невозможно. Я думаю, что у вас всё будет хорошо. Меньше

думайте о плохом, ваша задача доносить своего танцующего мальчика до положенного срока и благополучно родить.

– Спасибо, доктор, за позитив, мне он сейчас крайне необходим, – поблагодарила Тася.

* * *

На следующий день она забрала учётную карточку в своей женской консультации и записалась на приём к главному врачу Центра. Он встретил её холодно. Перелистал документы, внимательно посмотрел анализы и сухо объяснил:

– Ничем помочь не могу. Согласно приказу Минздрава края, мы можем оказывать вам консультативную помощь, но на учёте вы будете стоять в своей поликлинике. Рожать, возможно, будете в нашем Центре.

– Но как же так? Мне нужно постоянное наблюдение врача, а не акушерки. Центр для того и строили, чтобы оказывать помощь таким, как я.

– В городе есть целая сеть поликлиник с женскими консультациями и свой Перинатальный центр, мы обслуживаем только районы.

– Спасибо, за разъяснения. До свидания, – кипя от гнева, с трудом сдерживая себя, чтобы не хлопнуть дверью, Тася покинула кабинет.

Вечером, когда муж спросил её о переходе в другую поликлинику, Тася не выдержала и расплакалась.

– Опять всё против меня! – жаловалась она, вытирая слёзы. – Зря я обратилась к этому чинуше. Он же трясётся за своё место, зачем ему такая проблемная пациентка, как я. Одни хлопоты со мной. Что же делать Саша? Я боюсь за ребёнка, мне не выносить его без хорошей медицинской помощи.

– Не плачь, я с тобой, – прижав к себе, утешил её Александр. – Завтра вместе поедem в центр, к заведующей поликлиникой, и пусть только попробуют нам отказать.

* * *

Назавтра, рано утром, Тася и Александр поехали в Краевой перинатальный центр. Александр вежливо постучал в дверь кабинета зав. поликлиникой. Услышав приглашение, они вошли. В просторной комнате напротив окна стоял стол, за которым сидела голубоглазая светловолосая женщина лет сорока. Приветливо ответив на их «Здравствуйте!», предложила пройти. Тася прошла к столу, положила перед ней принесённые с собой бумаги и устроилась на стуле, рядом с Сашей.

– Что привело вас ко мне? – спросила доктор.

Тася подробно объяснила, почему была вынуждена обратиться именно к ним.

– УЗИ показало, что ребёнок развивается, согласно сроку, все параметры в норме. Возможно, тетраплоидный набор клеток принадлежит плаценте? – закончила она рассказ, с надеждой глядя на врача.

– УЗИ может дать ошибочный результат. Это беременность для вас «золотая»?

Тася глядела на неё непонимающе.

– Дети есть? Или это последняя надежда завести ребёнка?

– У нас два сына, – ответил за жену Александр.

– И вы хотите сохранить беременность? – удивлённо спросила гинеколог, посмотрев на обоих.

– Да, конечно! Это желанный, запланированный ребёнок. Я никогда не делала абортов, – ответила Тася.

Заведующая поликлиникой стала внимательно изучать карту из женской консультации, анализы, заключение генетиков, затем, отложив документы в сторону, сказала:

– Вы правильно сделали, что пришли сюда. С вашим диагнозом нужно наблюдаться у нас. Подождите меня здесь, я за вами приду.

Она вернулась минут через десять и пригласила Тасю следовать за ней. В кабинете, куда они зашли, находилось две женщины.

– Виктория Викторовна будет вашим лечащим врачом, – заведующая представила Тасе смуглую темноволосую женщину, – проходите, познакомьтесь, а Светлана Владимировна тем временем заведёт на вас электронную карту, – попрощавшись, она ушла.

Молодая акушерка забрала у Таисьи документы и начала печатать на компьютере.

– Анна Сергеевна вкратце вашу историю мне передала, теперь вы подробно расскажете мне о себе, – приветливо, с доброй улыбкой в чёрных глазах сказала доктор.

Тася очередной раз поведала о том, что заставило её обратиться к ним в поликлинику.

– Забудьте про этот диагноз. Мы должны поставить перед собой цель выносить малыша. Настройтесь на хорошее, тогда у нас всё получится, – наставительно произнесла врач, выслушав Таисью.

Впервые за много дней она услышала нормальные, человеческие слова, к ней отнеслись не как к безумной, решившейся при таком диагнозе рожать ребёнка, а наоборот, поняли и были готовы помочь. «Наконец, появился человек способный защитить их с малышом», – радостно подумала Тася. Она вышла из кабинета, сияя улыбкой.

– Ты улыбаешься? Я так давно не видел тебя счастливой, – оживленно встретил её Александр.

– Мне сказали, что надо настроиться на хорошее и забыть этот диагноз. Я так хотела услышать такие слова! Мне стало намного легче, я верю, что здесь нам помогут.

– Ну, вот и славно. А теперь домой?

– Да, что-то устала.

Жизнь входила в привычный ритм. Мальчишки заметно повеселели. Они уже не прятались каждый в своей комнате, а все вечера проводили с родителями. Пережитый стресс постепенно забывался. Понимая, что угроза выкидыша никуда не исчезла и ей ещё много придётся бороться за малыша, она пока скрывала на кафедре, что беременна. О своём положении известила только непосредственного руководителя, Марину Владимировну. Работать становилось всё тяжелее. После обеда начинала болеть спина. В предыдущие беременности она такого не испытывала, и думала, что сказывается возраст.

Я никогда не стану прежней...

Как праздновать День защитника Отечества, мальчишки распланировали за несколько дней вперёд. Позавтракав, они вместе с отцом отправились играть в пейнтбол. Тася с ними не поехала, такие игры были сейчас не для неё.

Мужчины вернулись возбуждённые, шумные. Умывшись, переодевшись, они сели за праздничный стол, продолжая радостно обсуждать одержанную победу.

– Скоро Дениса не надо будет к нам в команду звать, а то сегодня чуть не проиграли, – сказал Паша, доедая приготовленную мамой свиную отбивную, запечённую с сыром.

– И кем же ты его заменишь? – поинтересовался Максим.

– Миша подрастёт, и у нас будет целая команда.

– А кто такой Миша? – спросила Тася.

– Братик. Ты же скоро его родишь, и мы научим его играть в пейнтбол, – удивлённо глядя на мать, объяснил Павлик.

– Но и имя ты выбрал брату! Мы назовём его Ильёй, как Ковальчука, – непрекесомо сказал Макс.

– А мне нравятся какие-нибудь необыкновенные имена, например Арнольд, – озвучил своё мнение отец, весело подмигнув Тасе.

– Арнольд! – фыркнул Паша, – да с таким именем его во дворе все девчонки засмеют.

– Тогда уж лучше Леонель, в честь Месси.

– Макс, он же русский мальчик, а ты решил его как своего любимого аргентинца назвать! – возмутился Паша.

Спор разгорался не на шутку. Пытаясь успокоить сыновей, Александр сказал.

– Тише! Не кричите, прежде всего, надо спросить маму, какое имя выбрала она.

– Я ещё не думала об этом, – растерянно ответила Тася.

Устав от праздничной суеты, она перебралась из-за стола на диван и оттуда наблюдала за своими мужчинами.

– Мама! Скажи, что Миша красивое имя, – обнимая Тасю, стал уговаривать Павлик. – Сейчас Максим убавит музыку, мы все положим руки тебе на живот и послушаем, если малыш нам ответит, значит, он согласен, чтобы его так назвали.

– Нет! Все имена будем проверять по очереди, – возразил Макс.

– Тогда я первый!

Они столпились около дивана, положив ладони на Тасин живот.

– Брат, я называю тебя Михаилом! – торжественно произнёс Паша, и тут же радостно воскликнул: – Ответил! Он толкнул меня ножкой вот сюда, – и показал на середину ладошки.

– И меня толкнул! Значит, назовём Михаилом Александровичем, если мама согласна, – сказал отец, внимательно глядя на Тасю.

– Давайте обсудим имя чуть позже, я что-то так устала от вашего шума, пойду, усну, – попросила та в ответ.

* * *

Тася закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. «Господи! Что же со мной происходит! Саша, мальчишки строят планы, ждут малыша, а я только сейчас поняла, что он человек, а не плод, который я вынашиваю. Как же мне страшно и трудно! Дома только всё начало приходить в норму, Саша верит, что решение принято, что я радуюсь и жду ребёнка вместе с ним. Но это же совсем не так! Я даже сказать об этом ему не могу».

Она забралась с ногами на кровать, взяла с тумбочки телефон и набрала номер.

– Здравствуй, мама!

– Доченька! Я только собиралась твоих мужчин поздравить, а тут звонок от тебя. Как у вас дела? – Елизавета Петровна, чтобы не тревожить Тасю, не заводила первый разговор о беременности.

– У нас всё хорошо, только..., – дочь замолчала, подбирая слова, чтобы сказать матери о жестокой правде.

– Расскажи мне всё, я не расспрашиваю тебя не потому, что мне безразлично, а потому, что не хочу лишний раз тревожить. Я же, девочка, чувствую, как тебе тяжело.

– Мама, я съездила в монастырь, смирилась с тем, что никакого аборта делать не надо. Встала на учёт в Краевой перинатальный центр и делаю всё, чтобы максимально снизить риск для ребёнка – пью витамины, гуляю, соблюдаю режим, диету.

– Ты ведёшь себя как нормальная беременная женщина.

– Нет! Я сосредоточилась на физиологии, веду себя как суррогатная мать! Моё тело инкубатор, который должен дать максимальную возможность вырасти плоду.

– Одумайся! О чём ты говоришь? Это же твоё дитя.

– Мама, не перебивай меня, иначе я не смогу произнести это вслух. Я боюсь к нему привыкнуть, чтобы не сойти с ума от горя, если потеряю его. Саша и мальчишки его ждут, в восторге от того, что он родится, чувствуют с ним родство. Малыш впервые сегодня зашевелился и толкнул ножкой, когда Паша положил руку мне на живот. Он тоже их чувствует. А я боюсь этой радости из-за страха потери. Это раздвоение личности разлагает меня изнутри. С одной стороны, мозг поставил барьер, чтобы сберечь себя, с другой стороны, я понимаю, что так нельзя и ребёнку от этого плохо, но ничего не могу изменить.

Сейчас они выбирали имя малышу. Я ничего не смогла им ответить, растерялась, оказывается, он не плод, который я вынашиваю, а человек, и ему пора придумать имя. Мама! Я мимо магазинов с детскими вещами пробегаю, боюсь смотреть на одежду для малышей. У меня до сих пор не куплено ни одной распашонки, – Тася не выдержала и разрыдалась. Елизавета Петровна растерянно молчала. Она втайне надеялась, что в семье дочери как-то всё наладится и анализ окажется ошибкой.

– Тася, – услышав, что рыдания стихли, позвала мать.

– Я здесь мама.

– Почему ты решила, что малыш погибнет?

– Эти анализы не выходят у меня из головы, а если результаты хорионбиопсии окажутся правдой? Мне так страшно!

– Бедный моя! – горько вздохнула мать. – Господь тебе дал малыша и не допустит, чтобы ты его потеряла. Ты должна в это верить.

– Если бы ты знала, насколько я пуста. Мне словно воздуха не хватает, даже вздохнуть полной грудью не могу. Меня охватывает ужас, что я никогда не стану прежней, не смогу смяться и радоваться от души.

– Перестань себя терзать! Я больше верю УЗИ, чем всем этим анализам. Ты же видела сама, какой у нас растёт хороший, активный малыш и всё у него в норме. Верь больше своим глазам и сердцу, доченька, они тебя не обманут. А когда родишь, всё наладится, и снова станешь смеяться и радоваться. Всё хочу тебя спросить, что ты решила насчёт кордоцентеза?

– Не хочу рисковать. Результаты ещё одного анализа уже не имеют для меня значения.

– Вот это правильно! Таня тоже переживала из-за этого. Мы с ней каждый день перезваниваемся.

– Пусть она не обижается, что я не звоню. Не могу ни с кем говорить о ребёнке, кроме тебя.

– Она не обижается. Мы с Саша ей рассказываем в пределах разумного, чтобы лишний раз её не расстраивать. У неё же давление...

– Мама, когда вы с папой приедете?

– Скоро. Я тут вся исстрадалась. Мне трудно находиться сейчас вдали от вас.

– Приезжайте, мы будем ждать.

Кто вправе тебя судить?

По графику двадцатого марта у Таси был приём у генетика. Елена Павловна расспросила её о самочувствии и похвалила:

– Вы правильно сделали, что перевелись на учёт в поликлинику перинатального центра. Виктория Викторовна – опытный врач, мы знакомы. Теперь о дальнейшем обследовании. Я записала вас в диагностическом центре на доплер. В начале недели пойдёте туда.

– Что это такое?

– На этом аппарате проверяют функцию плаценты, устанавливают полноту кровоснабжения сосудов плода. Это обследование обычно делают на более позднем сроке но, учитывая ваши обстоятельства, сделаем его сейчас. В направлении всё написано, – она подала ей листочек бумаги. – Таисья Семёновна, а когда вы поедете в Иркутск на кордоцентез? – спохватившись, поинтересовалась доктор.

– Я решила туда не ездить, потому, что аборт всё равно делать не буду, а прокол может спровоцировать выкидыш.

– Ну что ж, это ваше право.

Получив результаты исследования, Тася пошла на приём к гинекологу.

– Нужно ложиться в стационар, на Курнатовского, – прочитав заключение, сказала Виктория Викторовна. – Не очень хороший кровоток от плаценты к ребёнку.

– А почему туда, а не к вам? – встревожилась Тася.

– У нас нет барокамеры, а там она есть. Нужно подлечить плаценту. Я напишу записку заведующей отделением Ольге Николаевне. Обращайтесь напрямую к ней.

Тася поехала в гинекологическое отделение вместе с Александром. Оформив историю болезни, медсестра сказала, чтобы верхнюю одежду пациентка сдала на склад или отдала сопровождавшим её родственникам. Тася переоделась в халат, забрала пакет со всем необходимым и передала сумку с вещами мужу. Выяснив, в какую палату её определили и где находится кабинет зав. отделением, она поднялась на четвёртый этаж. Отыскала по табличке на двери кабинет заведующей, спросив разрешения, вошла. В комнате находились две женщины. Одна из них сидела за большим столом, заваленном папками с документами, что-то читала. Вторая, заглядывая в листок бумаги, быстро печатала на компьютере.

– Здравствуйте! Мне нужна Ольга Николаевна, – пройдя к большому столу в середине кабинета, промолвила Тася.

– Я Ольга Николаевна, присаживайтесь, – представилась Тасе сероглазая, средних лет врач, с приветливой улыбкой.

– У меня для вас записка от гинеколога из перинатального центра.

Врач взяла из её руки листочек бумаги, внимательно прочитала.

– Я сдавала анализ на хорионбиопсию, генетик мне поставил диагноз тетраплоидия. Но, так как ребёнок по УЗИ развивается нормально, допустили, что анализ показал мозаицизм, ограниченный плацентой, – Тася подробно изложила свою историю. Заведующая отделением внимательно, не перебивая, выслушала её.

Врач, что сидела за компьютером у окна, оторвалась от работы и тоже заинтересовалась рассказом пациентки. Позже Тася поняла, как ей не повезло, что именно в это время доцент кафедры гинекологии, кандидат медицинских наук Ахмедова Изольда Наумовна решила поработать в кабинете заведующей.

– Виктория Викторовна ставит вам фетоплацентарную недостаточность, это мы и будем лечить. А с остальным пусть генетики разбираются. Идите в палату, устраивайтесь, скоро придёт лечащий врач, осмотрит вас и сделает назначения. – Ольга Николаевна вызвала медсестру и велела проводить пациентку.

В палате, куда определили Тасю, лежали на сохранении две молодые беременные женщины, мамы которых, как потом, оказалось, были с Тасей одного года рождения. Одна из них, окружённая вниманием родных, капризничала, требовала то фруктов, то солёной рыбки, ела всё подряд, а потом страдала от токсикоза. Вторая девушка была одинокая, очень самостоятельная, говорила, что никакой муж ей не нужен и тайком от врачей бегала курить на балкон. С соседками Тасе не повезло: общих тем для разговора найти было трудно. Хорошо, что прихватила с собой роман Ольги Елисеевой «Екатерина Великая», который дочитать дома не хватило время.

Лечащий врач – Нина Юрьевна – пришла после обеда. Она записала необходимые данные, сделала назначения.

Два дня прошло спокойно, Тася сдавала анализы, принимала лечение, впервые побывала в барокамере. На третий день утром в палату заглянула медсестра и крикнула:

– Михайлова! Берите пелёнку и идите в смотровую. Там ведущие специалисты будут проводить обследование вновь прибывших.

Когда Тася спустилась на третий этаж, возле кабинета уже стояла очередь. Женщин приглашали для осмотра, называя фамилии. Наконец вызывали её.

Она вошла, огляделась... Посредине комнаты, напротив большого, ничем не завешанного окна находилось кресло, вокруг него стояли ведущие специалисты: Ольга Николаевна, доцент Ахмедова и начмед Голикова. Они слушали Нину Юрьевну, которая зачитывала историю её болезни. Начмед Голикова велела пациентке залазить на кресло. Тася поглядела на окна дома напротив и почувствовала себя узницей, которую равнодушные инквизиторы раздели и решили распять на виду у толпы. Подавленная, она постелила пелёнку и взобралась на кресло. Начмед с недоброжелательным лицом небрежно осмотрела её и велела одеваться. Нина Юрьевна закончила доклад, зачитав диагноз генетиков о тетраплоидии. Тася попыталась объяснить, что анализ, скорее всего, указал на мозаицизм, ограниченный плацентой, но Голикова грубо прервала ее, предложив выйти и подождать в коридоре. Через неплотно прикрытую дверь, Тася слышала, как Изольда Наумовна оживлённо читала лекцию своим коллегам:

«Тетраплоидия – редкий вариант хромосомных аномалий, при котором увеличивается полный набор хромосом...» – по голосу Тася слышала, как кандидат медицинских наук упирается возможностью донести до коллег недоступную для них информацию. Для себя ничего нового, кроме поверхностно выхваченных из интернета фраз, Тася не услышала. То, о чём говорила Ахмедова, она уже давно выучила наизусть.

Она ждала, что её позовут обратно, но выглянула медсестра и назвала фамилию следующей женщины. Почувствовав себя отработанным материалом, по которому вынесли вердикт и потеряли интерес, Тася ушла в палату. Легла на кровать, накрывшись с головой одеялом. На душе было мерзко. Она хотела во время осмотра получить больше внимания, помощи, ожидала, что ей расскажут, как избежать вреда, который может быть нанесён ребёнку. Но её заботы никого не волновали.

Через некоторое время палатная медсестра пригласила её в кабинет зав. отделением. Там присутствовали врачи в том же составе.

– Михайлова! Когда и где проходил консилиум по поводу вашей генетической патологии, – похлопывая по ладони свёрнутой в трубочку историей болезни, спросила Голикова.

– Консилиума не было. Мы с мужем решили оставить ребёнка, так как по заключению УЗИ он развивается нормально.

– УЗИ не всегда показывает пороки, – произнесла уже знакомую фразу начмед. – Всё ясно. Выйдите, лечащий врач сообщит вам наше решение.

Тася вернулась в палату. От злобного, презрительного отношения к ней, посмевавшейся оставить ребёнка, несмотря на медицинское заключение, хотелось выть. Отвернувшись к

стене, стиснув зубами уголок подушки, стараясь, чтобы не услышали соседки, она тихо заплакала. Но побыть в одиночестве со своей болью ей не дали. Не прошло и часа, как пришла Нина Юрьевна и снова пригласила к заведующей. В кабинете, кроме Ольги Николаевны, никого не было. Тася прошла и села на стул. По лицу доктора было видно, что она растерянна и подавлена от того, что ей предстояло сказать.

– Начмед потребовала, чтобы я вас выписала. Изольда Наумовна считает, что такое генетическое заболевание плода, как тетраплоидия, наука ещё не научилась лечить и, если приедут проверяющие из Москвы, возьмут вашу историю болезни и узнают, что мы лечим пациентов с подобным диагнозом, нас засмеют.

Тася встала и молча вышла из кабинета. В палате никого не было. Она набрала номер телефона своей лучшей подруги детства:

– Наташа, они не хотят лечить моего малыша, – всхлипывая, сказала в трубку.

– Тасенька, как же так? Ты же вчера говорила, что всё хорошо...

– Они боятся, что над ними будут смеяться, что они лечат генетического уроды – а-а! Наташка! Я уже не могу больше бороться с этими ветряными мельницами! Здесь одна длинноносая крыса – доцент Ахмедова, прицепилась ко мне. Она никто, должности никакой не занимает, ко мне никакого отношения не имеет, решила умом блеснуть на моём уникальном случае.

– Тася, отправь её подальше! Что она тебе может сделать?

– Не могу – у-у. Она к начмеду, этой старой стерве бегала, наушничала, о том, что лечить меня бессмысленно, только деньги тратить, а та велела выписать меня.

– Не плачь, они не имеют права!

– Имеют! Напишут, что нет специалистов, способных излечить тетраплоидию, а их во всём мире нет, и будут правы.

– Но ты же говорила, что диагноз другой?

– Да, другой! Я сердцем чувствую, что мы попали в этих счастливых два процента. Но они же меня не хотят слышать! – Тася снова горько разрыдалась.

– А Саша с Елизаветой Петровной почему молчат, ничего не предпринимают?

– Они ничего не знают. Я им не рассказываю. Не хочу конфликта. Я знаю, какой шум они поднимут, а у меня на всё это нет сил.

– Тогда сама соберись, успокойся и заставь врачей себя услышать. Кроме тебя, этого никто не сделает. Хочешь, я к тебе приеду? Вкусненького напеку и приеду.

– Уже поздно, сиди дома. Как хорошо, что ты у меня есть. Я же родным и десятой доли сказать всего не могу. Ты бы видела, какими страдающими глазами они на меня смотрят, мне после этого белый свет не мил, так их жалко.

– А ты мне звони. Если всё на душе копить, так с ума сойти можно.

– Хорошо, родная. Прости, тут, кажется, снова пришли за мной.

– Держись. Мы с тобой!

Тася вытерла слёзы и грубо спросила стоявшую у кровати Нину Юрьевну:

– Что, вещи собирать?

– Вас Ольга Николаевна зовёт. Ей нужна выписка с заключением генетика.

Тася порылась в папке с бумагами, взяла нужный документ и пошла к заведующей. В кабинете решительно прошла к столу, села, положив выписку на стол.

– Ольга Николаевна, вы можете меня выслушать?

– Да, конечно.

– Я всё слышала, о чём говорила Ахмедова в смотровом кабинете. Она знает только то, что написано в «Гугле», не больше. При хорионбиопсии в двух процентах встречается мозаицизм, ограниченный плацентой, когда кариотип плода не страдает. Она почему-то ничего об этом не сказала.

– Не думаю, что она даже слышала об этом. Поймите, Тася, ни я, ни кто-то другой в этой больнице ни разу не сталкивались с таким диагнозом.

– Я приняла решение не делать аборт, потому, что по УЗИ ребёнок нормальный.

– Вам уже говорили, что при этом исследовании не всегда видно патологию плода.

– Только не при удвоении хромосом, это не тот случай.

– Честно скажу, вряд ли кто-то знает в этом здании больше, чем вы, о тетраплоидии, но то, что у вашего ребёнка нет генетической патологии, никто не может подтвердить. Это можно узнать, только сделав кордоцентез.

– Я кордоцентез делать не буду.

– Почему?

– В двадцать две недели мне сделают анализ. Потом ждать три недели. Я буду находиться в стрессе целый месяц и нанесу вред своему здоровому ребёнку, тем более сам прокол небезопасен. Даже если диагноз подтвердится, приму, как есть, и доношу его. Я не смогу быть убийцей. Не я жизнь давала, не мне её отнимать.

– Вы не пятнадцатилетняя девочка. Сделали выбор осознано, как взрослая, неглупая женщина.

– Ольга Николаевна, давайте взвешивать по принципу меньшего зла. Если это тетраплоидия, вы, конечно, ничем не сможете ему помочь. А если во всём виновата плацента, и ребёнок здоров? Без оказанной вовремя помощи он родится больным. В первом случае всю ответственность я беру на себя, а во втором, когда кариотип плода окажется нормальным, но вы не выполните свой долг, откажете мне в медицинской помощи, будете виноваты вы. И тогда мне и моему мужу станет всё равно, будут над вами смеяться проверяющие из Москвы или нет.

– Вы мне угрожаете?

– Нет. Поверьте, решение оставить ребёнка далось нам нелегко. Мы приняли его вместе с мужем. Последний раз, когда делали УЗИ, малыш услышал музыкальный звонок телефона и стал танцевать. Ольга Николаевна! У меня в животе не кусок мяса, а маленький человечек, с ручками, с ножками, он чешет свой курносый нос короткими пальчиками, у него бьется сердечко. Вы хотите, чтобы оно остановилось?

Зав. отделением смотрела на сидевшую перед ней женщину с бледным лицом, с опухшими от слёз глазами, полными решимости бороться за жизнь своего ребёнка, и к сердцу прихлынула волна уважения и сострадания. Она видела всякое за долгую работу в гинекологии. Сколько мамаш рыдало в этом кабинете, билось в истерики, расписывая свою горькую жизнь, умоляя сделать аборт на большом сроке беременности. Ни одна из них не вспомнила, что говорит о живом ребёнке. Они хотели избавиться от своих детей, как от свалившейся на них злой напасти. А эта, зная, что есть только два процента из ста, что её малыш родится здоровым, бьется с медицинской машиной, которая всегда считала и считает, что дети с генетической патологией не должны появляться на свет.

– Я не имею право на вас давить и уважаю ваше решение. Как доктор, я обязана выполнить всё, что от меня зависит. Проверяющих мне бояться поздно, главное чтобы моя совесть была чиста. Идите, Тася в палату, отдыхайте, завтра продолжите процедуры. Мы выпишем вас тогда, когда лечение покажет хорошие результаты.

– А начмед?

– Это уже моя проблема.

Два взгляда на жизнь

На следующий день Тася шла в палату после процедуры в барокамере, когда дорогу ей преградила Ахмедова.

– Михайлова? А почему вы до сих пор в стационаре?

Тася молча, смотрела в светло-серые, злобные глаза, лицо доцента, густо покрытое тональным кремом, кривилось от возмущения:

– Я это просто так не оставлю! – не получив ответа, Изольда Наумовна поправила под мышкой папку с документами, обошла зловредную пациентку и, твёрдо ступая высокими каблуками, удалилась.

Нина Юрьевна пришла к ней в палату перед обедом.

– Тася, вас снова зовут к Ольге Николаевне.

– Кто на этот раз?

– Ахмедова не успокоилась и для разговора с вами пригласила доцента с кафедры, старшего коллегу.

– Они оставят меня в покое?

– Думаю, да. Ольга Николаевна уже приняла решение, а переубедить её очень трудно.

Снова ставший привычным кабинет. Зав. отделением поздоровалась и склонилась над столом, не поднимая глаз от бумаг.

На диване сидела, вальяжно откинувшись на спинку, симпатичная женщина лет сорока пяти, с модной короткой стрижкой. Тася прошла и устало опустилась на стул. Измождённая, с провалившимися от вчерашнего стресса и бессонной ночи глазами, она устало смотрела на учёную даму. Вчера во время разговора с Ольгой Николаевной, горячилась, стараясь доказать свою правоту. Сегодня она не могла и не хотела говорить снова о том же. Ей казалось, что это пыточное колесо никогда не остановится.

Не представившись и не поинтересовавшись, как зовут пациентку, незнакомка спросила:

– На основании чего вы решили оставить ребёнка?

– На УЗИ всё хорошо, нет отклонений в параметрах развития, – безразлично ответила Тася.

Но доцент, не дослушав, прервала её и произнесла набившую оскомину фразу:

– Не всегда всё видно на УЗИ. Иногда на мониторе всё благополучно, а плод рождается с несовместимыми с жизнью отклонениями.

Тася не стала слушать продолжения и тоже перебила незнакомку:

– А бывает, и наоборот. На УЗИ всё плохо, а ребёнок рождается здоровым, – язвительно ответила она. – На моё решение повлияло то, что кариотип плода и плаценты могут не совпадать, и причиной удвоенного набора хромосом может быть не ребёнок, а мозаицизм, ограниченный плацентой. Для того чтобы прийти к этому выводу, мне пришлось изучить массу материалов, в том числе авторефератов и диссертаций на эту тему.

– Вы знаете, как пишутся диссертации? – усмехнулась женщина.

– Да знаю. Знаю, что встречаются недобросовестные учёные. Поэтому искала случаи из жизни, рассказы тех, кто столкнулся с такой же бедой. В России я нашла один подобный случай. Девушка Ирина из Татарстана. У неё был диагноз, идентичный моему. В прошлом году она родила здорового малыша.

– Ещё одно обследование кордоцентез вы не хотите сделать?

– Его делают в другом городе, не хочу туда ехать.

– А вы знаете, что можно сдать анализ крови в нашем городе, в лаборатории, которая работает по новой технологии. Анализ подтвердит или опровергнет ваш диагноз. Правда, стоит он дорого.

Тася подумала, что если не согласится, пытки допросов не прекратятся. Ещё чего доброго, начнут собирать консилиумы, как будто право на решение рожать или нет ей ребёнка, есть только у них.

– Для меня деньги не проблема. Где можно сделать такой анализ?

Незнакомка подала ей заранее приготовленный листок с координатами лаборатории и произнесла:

– Честно скажу, я вас не понимаю. У меня, как и у вас, двое детей. Я бы ни за что не рискнула терять благополучие своей семьи из-за ребёнка-инвалида. Вся жизнь насмарку, ваша и его. Вечные усмешки в спину. Любить, пока не родился, – одно, затем с этим надо будет жить всю жизнь. Это вы сейчас такая храбрая. Многие просто оставляют ребёнка в больнице, и совесть их не мучает. Детские приюты полны больными детьми.

– Я считаю, что мой ребёнок здоров. Не все исследования, которые проводятся медиками, показывают истину. Я убеждена, быть в семье инвалиду или нет, не всегда дано решать вам, – Тася произносила это, с яростью глядя в глаза незнакомки. – Вот вы сейчас выйдете из здания больницы и попадёте в аварию, станете инвалидом. Вы же не застрахованы от этого? Ваша семья тоже должна будет принять решение не в вашу пользу – поместить в дом инвалидов или, хуже того, сделать эвтаназию?

– Не забывайте, с кем вы беседуете!

– С человеком, который имеет такое же право на жизнь, что и мой ребёнок. Не вам решать, рожать мне его или нет! У меня фетоплацентарная недостаточность, потому что в первом триместре я переболела ОРЗ. Это написано в моей истории болезни, и оказать медицинскую помощь в этом учреждении мне обязаны.

– Даже так? – вздернув брови, в замешательстве произнесла незнакомка. – Вижу, вы хорошо подготовились и решение ваше непоколебимо. – Она взяла в руки историю болезни, спросила: – А кем вы работаете? – И, читая вслух, произнесла: – Доцент... кандидат..., – внимательно поглядела на Тасю и разочарованно сказала: – В таком случае, даже не интересно вас в чём-то убеждать. Потому и выводы приводите аргументированные. На этом наш разговор окончен. Сдавайте анализы, а там посмотрим...

Тася вышла. Спустя час она вспомнила о бумаге с адресом лаборатории и постучалась в кабинет к Ольге Николаевне.

– Доцент с кафедры посоветовала мне сделать анализ крови, который подтвердит или опровергнет мой диагноз. Хочу сделать его, отвязаться от них и лечить плаценту.

– Тася, вы же приняли решение, ни при каких условиях не делать аборт?

– Да, это так.

– Тогда зачем тратить большую сумму денег, чтобы что-то кому-то доказать?

– Вы правы! Я так устала за эти дни кого-то убеждать, слушать людей, от слов которых тошнит. Такое чувство, что несколько дней кружусь в карусели, и нет возможности спрыгнуть. Неадекватность мыслей и решений возникла видно от этого. Спасибо, Ольга Николаевна за совет.

– Идите, Тася, отдыхайте. Больше вас никто не потревожит.

Действительно, мучения Таисьи с этого дня в гинекологическом отделении, расположенном по улице Курнатовского, закончились. К ней приходили только любимые, родные люди. Они гуляли по аллеям больничного парка. Март был в самом разгаре. Светило солнышко, звонко капала с крыш капель. Но радости не было. После допросов учёных дам Тасю снова охватил страх перед будущим, серым коконом окутала тоска. Никого не хотелось

видеть, общаться. Ей казалось, что сёстры за её спиной шепчут, обсуждая её ненормальный, больше сказать, дикий поступок.

Она нашла в больничном холле, за пышно разросшейся пальмой, укромный уголок. Скрываясь от недобрых глаз, часто сидела там, на диванчике, делая вид, что читает книгу. На сердце давила обида за ребёнка, которым пренебрегли, которого хотели убить. Раньше Тася не сталкивалась с подобным. Оказывается, уже в женской консультации от женщины требовалось доказать своё право родить ребёнка. Это была система, при помощи которой общество избавлялось от нежелательных детей. Если при обследовании, скрининге, появлялось малейшее отклонение в параметрах, роженица становилась пациенткой второго сорта, ей завуалировано, а порой, и напрямую предлагали сделать аборт, пока не поздно. Они даже не допускали мысли, что могла быть погрешность в исследовании, ошибка. Главным для людей, которые стояли у самого начала появления человека на свет, было, чтобы дитя родилось нормальным, без каких-либо отклонений. Чем выше становился прогресс, тем тщательней шёл отбор при помощи таких, как Ахмедова, Голикова, доцент из медицинской Академии. Радовало то, что и среди них часто встречались исключения.

– Можно, я присяду рядом?

Возле Таси придерживая рукой большой живот, стояла женщина.

– Садитесь. Этот диванчик поставили не только для меня.

– Я лежу в соседней палате, на сохранении. Так уж получилось, что знаю вашу историю.

– Ее, наверное, санитары в морге и те знают, не только вы, – грубо ответила Тася.

– Не обижайтесь. Я давно хотела с вами поговорить, да всё не решалась, понимая ваше состояние.

– Да что вы можете понять? Или желаете из первых уст услышать о тетраплоидии? В интернете читайте! – Она встала, чтобы уйти от назойливой женщины, но кадка с пальмой помешала.

– Присядьте, – придержала та её за руку. – Вы молодец, что не послушали их.

А я послушала. Молодая тогда была. Прошла исследования, как положено, а в двадцать недель, на скрининге, они нашли у моего ребёночка какую-то аномалию, насили, как вороньё, чтобы делала аборт. Всё равно, мол, больше года дитя не проживёт, только оба мучиться будете. Время даже подумать не дали.

– Сделали аборт? – возвращаясь на своё место, спросила Тася.

– Надо было не слушать их, ещё обследования пройти, а я как затуманенная была, да и поддержать некому. Бабушка меня растила одна, а парень, как узнал о беременности, сбежал. Опомнилась, когда уже поздно было. Покончить с собой хотела, спасли. В депрессию впала, лечилась у психолога. Только я не о том хотела вам рассказать. Поверьте! Если судьбе угодно, от неё не уйдёшь. Прошло время. Я вышла замуж, долго забеременеть не могла. Наконец-то эта радость случилась. Только возраст уже был не тот, да и болезни женские одолели. Я с Дашей так и лежала на сохранении, не выходя из больницы. А в двадцать восемь недель случились стремительные роды. Девочка родилась с внутричерепной гематомой, долго была на аппарате искусственной вентиляции лёгких. Не буду перечислять всех болезней, но сколько сил, времени, денег мы потратили, чтобы хотя бы на ноги её поставить. Если суждено мне было пройти испытание, я их прошла сполна. А про мальчика своего все эти годы забыть не могу – вдруг они ошиблись? А я убила его. Может, у других иначе, но время мою рану не лечит.

– Это у вас второй ребёнок?

– Да. Даша уже в садик ходит. Только зрение так и осталось слабым.

– Как же вы решились родить ещё одного? Не страшно?

– Мы с мужем всегда хотели иметь много детей. Но чувствую, не получится. Нам уже восемь месяцев, доходить бы до положенного срока. Мальчика ждём, – с гордостью поглаживая живот, сообщила незнакомка.

– Спасибо вам, – тихо произнесла Тася.

– Это вам спасибо! Что держитесь, не слушаете их. Меня Людмила зовут, приходите ко мне в палату, чайком побалуемся, я сейчас одна.

– Приду, – улыбнувшись впервые за последние дни, ответила Тася.

Весна

Как и обещала Ольга Николаевна, Тася прошла полностью все процедуры и выписалась домой. Встретила её вся семья. Родители и Татьяна Васильевна тоже приехали навеситить. Дома было хорошо, уютно, пахло пирогами, испечёнными свекровью. Мальчишки не отходили от матери. Паша, пристроившись рядом, клал ладошку на живот матери и приговаривал:

– Мишутка, мы все тебя любим. Вот ты вырастишь большой, я тебе свои игрушки отдам и карате научу. Мама! Он мне ответил! Снова в ладошку ножкой толкнул, – вскрикивал он каждый раз, когда малыш шевелился в животе.

– Родится наш Мишутка, тебя Павлик больше всех любить будет, – наблюдая за ними, говорила Елизавета Петровна.

– Тася, ты уже взяла отпуск? – поинтересовалась Татьяна Васильевна.

– У меня сейчас больничный, потом отпуск, потом в декретный отпуск пойду. Всё! На работу больше не выхожу.

– Ну, и слава Богу! Рассаду я вам уже посадила. Время подойдет, и огород все вместе вам посадим.

– Мама! Какой огород? Нам нынче совсем не до этого, да и кто с ним возиться будет? – возмутился Саша.

– Детям нужны экологически чистые продукты. Не переживай, Тася ничего делать не будет. Нас вон сколько, неужто грядки оставим травой зарастать? – возмутилась Татьяна Васильевна.

Её поддержали родители Таисьи.

– Делайте, что хотите, – махнув рукой, Александр ушёл наверх, в свой кабинет.

В комнату тихо вошла жена, забралась с ногами на диван.

– Я тебе не помешаю?

– Нет, конечно, – оторвавшись от бумаг, ответил Саша, – кстати, ты была сегодня в поликлинике?

– Да.

– И что тебе сказали?

– Пока всё нормально.

– Отчего такая грустная?

– В женской консультации в очереди всякого наслушаешься. Сегодня рядом со мной сидела какая-то болтушка. Спросила, какой у меня срок. Я сказала, а она так удивилась, говорит: «Животик у вас совсем маленький. Наверное, на диете сидите?»

– Ты бы чёрное не носила, надевала сарафаны для беременных, вот и замечаний таких не делали.

– Ты, как моя акушерка из поликлиники. Догнала меня сегодня после приёма и говорит: «Таисья Семёновна, вы, пожалуйста, в черный цвет не надевайтесь больше, не принято беременным в черном ходить, примета плохая. В следующий раз наденьте что-нибудь веселенькое».

– Вот видишь, я оказался прав!

– Саша, я не о том хотела поговорить. Эта болтушка была в магазине «Детский мир», в отделе для новорожденных и младенцев. Там сегодня распродажа. Она такие смешные шапочки с ушками показывала, башмачки, распашонки. Целый пакет. А потом спрашивает: «Вы уже всё приобрели для своего малыша? А то я вам подскажу, где, в каких магазинах, что можно купить». Я растерялась и соврала, что не беру, потому что примета плохая заранее вещи покупать.

– Тася, а почему ты ничего не покупаешь? Мальчишкам в это время мы даже коляски приобрели, а малышу даже распашонки не взяли?

– Я боюсь брать вещи, потому, что не знаю, что нас ждёт, и от этих мыслей мне ещё хуже.

– Ты снова за своё? Чтобы не было таких мыслей, завтра поедем и всё купим.

– Не сейчас. Я ещё не готова...

– Ну и зря! Мы с Павликом, в «Детском мире» тоже были, пока ты в больнице лежала. Брали подарок его другу на день рождения. Я заглянул в отдел для малышей, много чего там приглядел.

В комнату ворвался раскрасневшийся Павлик.

– Мама, папа, пошли вниз, на улицу, там дед с Максом такое сделали!

Тася встала с дивана и заторопилась за сыном, Александр пошёл следом за ними. Вся семья высыпала за ограду. По проулку между домами бежал Семён Андреевич, догоняя Максима, который держал в руках катушку со шпагатом, прикрепленным к разрисованному, украшенному длинным хвостом из ярких лент, воздушному змею. Змей улыбаясь нарисованным ртом, ловил воздушные потоки и всё выше взбирался в пронзительно синее апрельское небо.

– Ура – а-а, – закричал Паша и помчался следом за дедом.

– Вот дурень, что творит под старость лет! А вечером буду таблетками отпаивать, – всплеснув руками, воскликнула Елизавета Петровна.

– Мама! Ну, что ты! Вспомни, как мы с папкой каждую весну воздушных змеев запускали. Сколько восторга было, до сих пор помню. Пусть мальчишки порадуются.

– Да я разве против, дочка! Просто переживаю за него, – ответила Елизавета Петровна.

Прикрыв ладонью глаза, она, улыбаясь, выискивала в пронзённом солнечными лучами небе яркую точку.

– Мы с твоим отцом со школьной скамьи этих змеев запускали. Каких он только не мастерил! И бегали потом по полю до того, пока тебя не набегали.

– Мам!

– А что? Здесь все взрослые, знают, что детей не в капусте находят. День какой сегодня хороший. Весна! Пошли, Татьяна, чай с пирогами пить, а то остынут. – И подхватив сватью под руку, она повела её в дом.

Тася стояла, прижавшись к Саше, наблюдая за весельем отца и сыновей.

– И, правда, весна в самом разгаре. Пасха скоро, – вздохнув полной грудью пахнувший талой землёй воздух, произнёс Александр.

– Саша, давай на праздник съездим в женский монастырь. Там так хорошо.

– Поедем! Мальчишек с собой возьмём. Жаль только родители домой торопятся, говорят, что слишком долго у нас задержались.

– Ничего, мы туда с ними летом съездим.

Пасха

Город чествовал светлый праздник Воскресения. Повсюду в храмах торжественно звонили колокола. Пасха символизировала победу добра над злом, света над тьмой. Люди с утра шли в церковь, восторженно поздравляя друг друга, неся благодатную весть.

Михайловы выехали из дома рано утром, чтобы успеть на праздник во Всесвятский монастырь. День выдался тёплый, солнечный. Прихожане, нарядно одетые, подходили и подъезжали небольшими группами, семьями. Незнакомые люди с весёлыми улыбками приветствовали друг друга возгласами «Христос воскрес!» и слышали в ответ: «Во истину воскрес!»». Возле монастырской ограды скопилось множество машин. Александр пристроил свою в один из рядов.

Большие ворота монастыря были гостеприимно распахнуты, приглашая гостей на праздник. Всей семьёй Михайловы направились внутрь двора, над которым плыл ясный, чистый перезвон колоколов монастырской звонницы.

Мальчишки были здесь впервые. Всегда веселые, шумные, они неожиданно притихли и чинно шли по дорожке, ведущей к храму. В церковной лавке выстроилась небольшая очередь. Люди покупали свечи, подавали записки с именами родных, чтобы монахини помолились о здоровье близких. В этот раз за прилавком стояла пожилая женщина – прихожанка. Тася купила всем свечи и спросила, как правильно написать записку о здравии и можно ли такую записку написать на нерождённого младенца.

– В записку пишется имя человека, которое ему дали при крещении. Иногда православное имя отличается от светского, – пояснила женщина. – Записки подаются только на крещёных, поэтому на вашего младенца пока рано писать. Я вам советую, закажите сорокоуст на себя, хотя бы на три месяца, и монахини будут молиться о вас всё это время. Если вас тревожит, как окончится беременность, это поддержит. Я всегда так делаю, когда для меня или моих родных наступают трудные времена. Поверьте, очень помогает.

– Спасибо! – поблагодарила Таисья.

Они с Сашей сделали всё, как посоветовала служительница. Потом вошли в празднично украшенный букетами живых цветов храм, зажгли свечи, помолились.

После посещения церкви многие направлялись к звоннице, где звонила в колокола молодая монахиня. Торжественно медленные звуки большого колокола будили в сердце благоговейный трепет, потом к нему присоединялись колокола чуть меньше и в заключении мелодию подхватывал высокий, весёлый перезвон маленьких колокольчиков, создавая радостное, праздничное настроение.

Монахиня, закончив мелодию, спустилась по невысокой лестнице и подошла к ним.

– Наступил великий праздник. Прихожанам в нашем храме позволяют всю неделю звонить в колокола. Это благословение на семейную жизнь и рождение детей. Поднимайтесь в звонницу, я покажу вам, как надо звонить.

Она расставила их у колоколов и объяснила, сколько раз и в какой колокол нужно ударить, чтобы получилась мелодия. У них всё получилось! Тася почувствовала, как от колокольного звона треснул кокон тоски, уныния, тревоги, окутавший её после больницы. На душе стало радостно, и засветилась надежда, что всё будет хорошо.

Стационар

На Первомайские праздники к Михайловым нагрянул родительский десант. Как и обещали, они приехали поработать на приусадебном участке.

От садово-огородных дел хозяев дома отстранили, только спрашивали, что делать.

После выходных срок беременности уже был двадцать семь недель, и Тася отправилась на плановый приём в поликлинику. Виктория Викторовна отправила её на УЗИ – посмотреть кровотоки в сосудах пуповины. Через некоторое время вокруг собрался консилиум врачей. Её пригласили перейти к другому аппарату. После осмотра, Виктория Викторовна, сказала, чтобы она одевалась и шла к ней в кабинет. Крайне встревоженная, Тася ждала своего гинеколога минут десять. Та пришла серьёзная, сосредоточенная:

– Мы обсудили ваше состояние и решили положить в стационар. Нам не нравится кровоток от плаценты к ребёнку.

– Мне нужно съездить домой за вещами.

– Нет. Положение серьёзное, вы должны быть под наблюдением, если ничего до завтра не изменится, будем делать кесарево сечение.

– Но он же такой маленький! У него вес около килограмма! – стараясь сдержать рыдания, воскликнула Тася.

– Успокойтесь! Идите в приёмный покой, оформляйте историю болезни. Позвоните родным, чтобы они привезли вам всё необходимое.

– Я буду лежать в вашем перинатальном центре?

– Конечно! Вы же наша пациентка. И прошу вас, не плачьте. Слёзы только навредят малышу. Думайте, прежде всего, о нём.

Пока сестра приёмного покоя оформляла документы, Тася позвонила мужу:

– Саша, в гардеробной, в синем пакете моя одежда, которую я приготовила на всякий случай, если меня снова положат в стационар. Привези мне его и туалетные принадлежности в перинатальный центр, в приёмное отделение.

– Тася, тебя что, снова положили в больницу? – встревожился Александр.

– Да. Врачи сказали, что, возможно, будут делать кесарево сечение. Я не могу всего сказать. Здесь очень людно, приедешь, поговорим.

Немного погодя, муж позвонил снова.

– Тася, в гардеробной нет синего пакета. Мы нашли только зелёный. Я позвал Елизавету Петровну, она сказала, что это твоя одежда.

– Хорошо! Везите зелёный, может, я что-то перепутала.

Тася стояла у окна, выглядывая родных. Когда она увидела знакомую фигуру мужа, слёзы невольно навернулись на глаза, так захотелось прижаться к его плечу, выплакаться, сказать, как она напугана.

Раздвинув толпу посетителей, Саша кинулся к жене. Видя, в каком он состоянии, Таисья сглотнула готовые вырваться рыдания и спросила:

– Всё привезли?

– Одежду собирала Елизавета Петровна, а я туалетные принадлежности, – муж показал ей увесистый пакет.

Заподозрив неладное, она отозвала их в коридор и присела на кушетку.

В пакете с туалетными принадлежностями кроме мыла, пасты, щётки и шампуня, была косметичка с полным набором косметики, флакон геля для душа, бальзам и лак для волос, и несколько видов крема.

– Саша, ты всю мою тумбочку опустошил? – забыв про слёзы, сердито спросила она.

– Я взял всё, выберешь, что тебе будет нужно, остальное увезу.

– У мамы бы спросил!

– Елизавете Петровне было некогда, она искала пакет с одеждой.

Тася взяла из рук матери пакет, и заглянула в него.

– Мама! Вы что оба не в себе? Это же мои старые вещи, которые я перебрала и приговорила выкинуть, – возмущённо вскрикнула она.

Но заметив дрожащие мелкой дрожью руки матери, она обняла её и попросила:

– Прости! Я не хотела тебя обидеть.

– Тасенька, какое «прости»! Это я виновата, путём в пакет не заглянула. Мы все так напугались, когда ты сказала о кесаревом сечении. Он же такой ещё маленький! – прикрыв рот ладонью, мать горько заплакала. Саша, бледный до синевы, сел рядом с ней.

Тася глядела на них, вспоминая, что несколько минут назад, хотела выплакаться на плече у мужа, получить утешение. Всё оказалось наоборот, успокаивать родных пришлось ей.

– Вы меня не совсем правильно поняли. Меня оставили в стационаре, потому что необходимо постоянное наблюдение за ребёнком.

– А кесарево? Ты же говорила про него, – спросила мать.

– Это только в крайнем случае. Ничего страшного пока нет. Возьмите себя в руки и сделайте то, что я скажу. Я устала и не могу долго здесь находиться. Саша, я возьму то, что мне необходимо, остальное вернёшь в мою тумбочку. Мама, я напишу список того, что мне нужно. Мои вещи лежат в шкафу на полочках, а халаты висят на плечиках. Всё по списку сложишь в пакет и отдашь Саше. Сюда больше не езди, оставайся дома. Я когда устроюсь в палате, обязательно тебе позвоню. Хорошо?

– Хорошо.

Тася по очереди обняла обоих, поцеловала и снова осталась ждать у окна, то горько вздыхая, то улыбаясь, вспоминая растерянные лица Саши и мамы.

На этот раз Саша привёз всё, что нужно и даже планшет с фильмами, чтобы ей не было скучно.

– Как родители? Напугала я их?

– Как обычно, меряют давление и пьют капли.

– Саша, зачем ты так? Они переживают о ребёнке не меньше нас.

– Тася, да всё в порядке. Елизавета Петровна уже всех успокоила, сейчас пошли дружно сеять морковь, мальчишки тоже с ними. Дом полон народа, а мне так пусто без тебя. Ты надолго здесь?

– Дней десять, не меньше. Я когда вас ждала, так плакать хотела, а как увидела то, что вы привезли, слёзы сразу исчезли.

– Слёзы превратились в искры гнева при виде носочков с дыркой на пятке, – улыбаясь, сказал Саша.

– А ты лучше поступил? Принёс самое важное – лак для волос. А если честно, мне после этого недоразумения легче стало. А то бы раскисла совсем. Как хорошо, что вы у меня есть.

Она привстала на цыпочки и поцеловала мужа.

– Я пошла, а то меня там уже потеряли.

В перинатальном центре Тасе понравилось. Чистая светлая палата, просторное окно прикрыто жалюзи бежевого цвета, функциональные кровати. Над кроватью лампа на кронштейне, рядом расположен щиток с розетками для подключения аппаратов, кнопка вызова медсестры. Туалет и душевая комната на две палаты, соединенные небольшой прихожей. Едва она легла, как в палату зашёл серьёзный мужчина лет пятидесяти и медсестра с папкой в руках. Врач осмотрел Тасю, послушал сердцебиение плода, сказал, что беременность пока будут наблюдать. Продиктовав назначения, он ушёл.

Вскоре медсестра сделала два укол и подключила капельницу. В палате Тася находилась одна. Ничто не отвлекало от дум о малыше. Страх за его судьбу подступил с новой силой. Она вспомнила рассказ Людмилы, с которой лежала в больнице на Курнатовского, о том, что её девочка родилась в двадцать восемь недель, органы ребёнка были ещё не развиты, и врачам пришлось сотворить чудо, чтобы её спасти.

«Господи! Молю тебя, помоги моему малышу, не заставляй его, невинного, страдать. Пусть он родится, как и положено всем детям на свете», – шептала она молитву, и слёзы тихо скатывались на подушку.

Тася не заметила, как уснула. Проснулась ночью от резких толчков в животе. Ребёнок вертелся, пинался, у неё появилось такое чувство, что он из чего-то старается выпутаться. Чтобы как-то его успокоить, она положила руки на живот и стала шёпотом уговаривать:

– Мама любит тебя, мы все ждем, когда ты родишься, но ты ещё такой маленький, не торопись, надо подрасти, и тогда всё будет хорошо.

Она рассказывала ему, как хорошо им будет всем вместе. Что братья любят его и выбрали ему имя. Какой у него большой и сильный папа, который никогда никому не даст его в обиду. То ли слова подействовали на малыша, то ли тепло материнских ладоней проникло к нему и согрело. Малыш постепенно затих, успокоился, и Тася тоже задремала.

Утром её пригласили в кабинет УЗИ на первый этаж. Специалист, который смотрел её вчера долго водил датчиком по животу, потом произнес:

– Ничего не понимаю! Почти всё в норме, за одну ночь картина совершенно изменилась.

– Он ночью буянил, словно с чем-то боролся, а к утру успокоился, – сказала Тася.

– Был у нас случай, взяли женщину срочно на кесарево сечение из-за плохого кровотока, а когда ребёнка вынули, оказалось, что он пуповину в кулачке сжал, чего только в нашей практике не бывает! Вот и ваш, возможно, ночью пуповину распутывал. Боец он у вас.

– Так и есть, мы с ним право на жизнь доказываем с четырнадцати недель, – ответила Тася, с нежностью глядя на монитор, где малыш снова короткопалой ручкой теребил курносый нос.

В течение двух недель Тася регулярно ходила на УЗИ. Каждый раз она внимательно смотрела на своего сына, проникаясь мыслью, что он живёт своей жизнью, независимой от того, что думают о нём люди, наблюдающие за ним на экране монитора. Эти две недели сблизили её с малышом больше, чем предыдущие месяцы.

День рождения

Выписали её из больницы в конце мая, на день рождения мужа.

В доме шло приготовление к празднику. У всех было приподнятое настроение, все радовались, что и на этот раз беда обошла их семью стороной. Каждый занимался своим делом. Обе мамы готовили на кухне торжественный ужин. Тася у компьютера завершала ролик с праздничным поздравлением, начатый ещё до больницы. Семён Андреевич разжёл во дворе мангал и принялся готовить своё коронное блюдо – шашлык, дразня родных ароматом запекающегося на углях мяса. Александр с мальчишками топили баню.

Банька у Михайловых была сделана с большой любовью. Начиналась она с небольшого тамбура, где зимой оставляли верхнюю одежду, при входе в предбанник, который служил одновременно и комнатой отдыха. В моечном отделении Александр, как и мечтал, установил большую дубовую купель. Стены, пол, потолок парилки он обшил осиновою вагонкой, а верхний и нижний полки сделал из берёзовых досок.

Мужчины любили париться от души, забравшись на полок, они поддали в каменку душистого травяного настоя из чабреца и стали хлестать друг друга березовыми вениками, ахая от наслаждения. Когда жар стал невыносимым, они по очереди окунулись в купель с холодной водой и разомлевшие, умиротворённые, вышли в комнату отдыха, расположившись на застланных простынями деревянных лежаках, потягивая приправленный мятой отвар из ягод шиповника и боярышника, который всегда в банный день готовила Татьяна Васильевна.

– Максим говорит, что вы с ним в городскую сауну ходите, это при такой-то баньке? – поинтересовался у зятя Семён Андреевич.

– Иногда ходим. Максу нравится после парилки в бассейне плавать.

– Лиза у меня ванну предпочитает, не понимает, какое это наслаждение похлестать себя веничком – все косточки и жилочки расправить.

– Малыш подрастёт, с малых лет к бане буду приучать.

– Вот это верно! Чтобы напарником у отца был.

В дверь просунулся Паша, не заходя в комнату, он сказал:

– Там баба Таня с бабой Лизой уже давно стол накрыли, велели вам поторапливаться.

– Даже в день рождения человеку насладиться банькой не дают! Скажи, что уже одеваемся, – ворчливо ответил дед.

Вскоре вся семья сидела за столом, накрытым белой скатертью, уставленным закусками и салатами. Посередине стояло большое блюдо с румяными кусочками свинины, вперемешку с запеченными овощами, сладким перцем, кружочками баклажанов, помидоров, маленькими круглыми луковками.

Александр сидел во главе стола напротив большого экрана домашнего кинотеатра. Праздник начался с поздравления под весёлую песню Натали:

О, боже, какой мужчина,
Я хочу от тебя сына.
И я хочу от тебя дочку,
И точка, и точка...

Пока певица пела, на экране разворачивались веером, кружили спиралью, замирая на несколько секунд фотографии именинника.

Вся жизнь Саши яркими красками промелькнула перед глазами родных: крохотный голенький малыш и следом уже серьёзный первоклассник с огромным букетом цветов, спу-

стя мгновение – счастливый жених, ведущий за руку красавицу невесту. В заключение ролика Тася поздравила любимого мужа с днём рождения.

Поздравлений в этот день было много, и в каждом звучало радостное ожидание пополнения семьи, надежда и вера, что всё в их семье будет хорошо.

* * *

На следующий день внуки уговорили деда и бабушек съездить в новый парк аттракционов. Тася и Александр остались вдвоём.

– Я в твоём цветнике сделал фонтан, как ты давно об этом просила. Никому его ещё не показывал, ждал тебя, пошли, посмотрим, – позвал Саша жену.

Цветник был любимым местом отдыха Таси. Там стояла деревянная, покрытая лаком восьмиугольная беседка с решётчатыми стенами и проёмами, выполненными в виде арки. Летом её заплетал хмель, давая тень и прохладу в жаркие дни. Тасе давно хотелось устроить напротив неё маленький пруд с фонтаном. Наконец-то желание сбылось. Саша открыл спрятанный в кустах сирени вентиль, и из выложенного диким камнем водоёма, в воздух поднялись искрящиеся струи воды.

– Какая красота! Спасибо, Сашенька! – Она обняла и поцеловала мужа. – Я в пруду посажу лилии, и будет очень красиво, так давно об этом мечтала.

– Ты займёшься этим в следующем году. Нынче у тебя другие заботы. Пошли, отдохнём в беседке, – позвал он.

– Пойдём, пока остались вдвоём, я хочу с тобой поговорить.

– О чём? – устраиваясь на скамейке, спросил он.

– Саша, нашему ребёнку скоро семь месяцев, а мы для него ещё ничего не приобрели. Я хочу проехать по магазинам и сама купить всё, что нужно.

– Боишься повторения недавних событий?

– Боюсь. Вы все от испуга становитесь растерянными и неадекватными. Я приготовлю вещи для себя и малыша и спокойно буду ждать, когда наступит момент родов.

– Хорошо! Завтра я свободен, отправимся в магазины.

Тася замолчала, глядя на струи фонтана, сверкающие на солнце.

– У меня такое впечатление, что ты хочешь что-то обсудить и не знаешь, с чего начать? – взяв за руку, вывел её из задумчивого состояния муж.

Она вздохнула и, глядя ему в глаза, произнесла:

– Я должна тебе признаться, что долгое время старалась не думать о малыше, как о своём ребёнке. Понимаю, как это звучит дико, но я вела себя как суррогатная мать, сосредоточившись на физиологии. У меня была одна цель – выносить плод, не думая, каким он родится.

– Почему?

– Боялась. Сейчас мне так стыдно за это, – глаза Таси наполнились слезами. Вытерев мокрую дорожку на щеке, она проговорила, – когда две недели назад мне сказали, что будут делать кесарево сечение, я так напугалась за него.

– Не плачь, всё же обошлось, – прижав её к груди, сказал Саша.

– Наш мальчик молодец! В первую ночь в стационаре он так крутился, словно пытается отчего-то освободиться. Я места себе найти не могла. Потом положила ладони на живот и впервые с ним заговорила. Я рассказывала ему о тебе, о Максиме и Паше, говорила, что мы его любим и ждём, он, словно услышал меня, успокоился. На завтра на УЗИ все результаты были хорошими, даже доктор удивился.

– Узнаю мой характер, – улыбнулся муж.

– Он и, правда, такой же деловитый, как ты. Во время обследований я постоянно наблюдала за ним на экране монитора, смотрела, как он копошится у меня в животе, трогает себя, играет пуповиной, и пустоту в душе, от которой я не могла избавиться все эти месяцы, заполняла любовь к моему крохотному сыночку. Сердце замирает от этого чувства. Я так его люблю!

– Наконец-то ты прозрела! Я никогда не верил во все эти бумажки. Я верил своим глазам, которые видели нормального мальчишку, только маленького, очень похожего на меня.

– Хвастун! – засмеялась она и прижалась к его плечу.

Они замолчали, каждый думая о своём.

– Ты верно сказал, прозрела! Я долго думала, что повлияло на моё состояние, почему мне было так тяжело, а потом поняла. Наше общество зомбирует нас, навязывая нам идею здорового социума, в кавычках.

– Стоп, доцент! Вы сейчас не на лекции, извольте объясняться нормальным, человеческим языком.

– Не подсмеивайся! – она шутливо толкнула его в бок.

– «Здоровый социум в кавычках» – это, по-моему, перебор, хотя я давно привык подобным твоим словам.

– Послушай, то, что сейчас скажу, для меня важно! – по серьёзным глазам Таси, в глубине которых затаилась боль, Саша понял, что предстоит трудный разговор.

– Я долго размышляла над этим, благо время хватало. Ответь мне, почему в нормальных семьях боятся рожать детей с генетическими отклонениями, оставляют их в больнице? Я сейчас не говорю о неблагополучных семьях.

Александр растерянно посмотрел на неё, потом ответил:

– Если честно, я над этим никогда не думал. Может, люди боятся несвободы: такой ребёнок требует большого внимания, ухода. Каждый хочет гордиться своим потомком, его достижениями, а больной ребёнок не поступит в университет. Ну, и продолжение рода – тоже немаловажный фактор.

– А вот животных люди не боятся заводить. Они тоже требуют ухода и лишают своих хозяев свободы, когда нужно поехать на отдых. Они никогда не поступят в университет и уж, во всяком случае, не дадут человеку продолжение рода. Тем не менее, они их самозабвенно любят, лелеют, водят на выставки и гордятся их достижениями, лечат, говорят о них друзьям.

– Ну и сравнила! Это же ребёнок, твоя плоть и кровь, а ответственность какая!

– Значит, его можно бросить в больницу, если он не имеет тех возможностей, что обычный ребёнок, а ещё лучше убить, пока в животе? – глаза Таси загорелись от ярости.

– Почему ты заговорила об этом? Из-за нашего сына?

– Да! Раньше я всё это знала, но знания не трогали душу. Я жалела детей и родителей, но не вникала в причину происходящего, – с горечью в голосе произнесла она. – Когда мне довелось пройти все круги ада из-за отношения ко мне и нашему ребёнку, я пропустила всё это через сердце и поняла, что систему надо ломать.

Она встала, прошла по беседке, остановилась напротив Александра и, пристально глядя в глаза, произнесла:

– Ужас в том, что мы убиваем живого человека потому, что он в чём-то отличается от нас. А сколько гибнет нерождённых детей из-за ошибки в диагностике! Каждому, кого заподозрят в малейших отклонениях в параметрах, система выносит приговор, который обжалованию не подлежит: «Такие не имеют права жить!». Якобы из гуманных соображений, родителям говорят: «Подумайте, как будете мучиться вы с больным ребёнком, как будет мучиться дитя, родившись больным». А потом завуалированно, иногда и напрямую предлагают: «Давайте лучше его убьём, пока он маленький и не увидел свет, и вы будете продол-

жать жить, как прежде, без страданий». И никто не задумывается, что будет с душой матери после этого, что духовные страдания порой неизмеримо ужаснее, чем физические.

– Ты говоришь такие страшные вещи... Тебя что, вынуждали делать аборт? – его лицо исказилось от гнева.

– Косвенно предлагали. А ещё меня просто хотели выгнать из больницы на Курнатовского, говорили, что с такой патологией не лечат. Благо, что есть ещё люди в белых халатах, для которых долг врача превыше всего.

– Ты мне об этом ничего не говорила.

– Я не сомневалась, что вы встали бы на мою защиту, но боялась скандала, поэтому о многом молчала.

– Ты всегда стараешься всё решить сама, – обиженно упрекнул он.

– Прости, но у меня хватало сил только на то, чтобы бороться за ребёнка, и я сосредоточилась на этом.

Они снова замолчали, обдумывая сказанное. Через некоторое время Тася промолвила:

– Семьи, у которых появляется особенный ребенок, боятся пересудов окружающих людей, замыкаются, нередко прячут его от других, стараются вообще о нём не говорить. И всё это из-за страха, что вместе с ним семья станет изгоем.

– По-моему, ты преувеличиваешь. Государство сейчас многое делает для людей с ограниченными возможностями.

– Я говорю не о государстве, речь об обществе, о гражданах, из которого оно состоит. Менять надо здесь, – прикоснувшись рукой к груди, сказала она. – Может, отношение к таким людям является мерилom, насколько мы цивилизованны? Мерилom, определяющим, кто ты – человек разумный или животное? Не спорю, мы сейчас изменились. Но всё же остаёмся рабами наших страхов, боимся не соответствовать общепризнанным стандартам.

Александр потянул её за руку и посадил рядом с собой.

– Тася, я согласен с тобой, ты всё говорила правильно, – мягко произнёс он. – Но сколько найдётся людей, которые найдут массу аргументов против твоей теории, напомнив о здоровье нации и многом другом. И ты недооцениваешь роль женщины-матери. В конце концов, это ей решать, жить ребёнку или умереть, и хорошо, что ты у меня не такая.

– А знаешь, Саша, я им не судья, – неожиданно легко согласилась она. – У Юрия Левитанского есть хорошее стихотворение, мне кажется, что лучше, чем он, о выборе никто не писал:

Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.

Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает по себе
щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает для себя...

Выбираю тоже – как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя

– прочитав строчки стихотворения и, помолчав, Тася добавила:

– Пойми, я не ставлю себя выше общества, я такая же, как все. Сначала испугалась, что мой ребёнок родится особенным и общество отвергнет его. Боялась, как наша семья будет жить со всем этим. Ты знаешь, как я скрывала свою беременность ото всех. Все мои метания, поиски выхода – это воздействие системы, которая угнетала меня. А самое страшное, Саша, что я была на грани, чтобы принять решение и убить его, – Тася вытерла слезинку, скатившуюся по щеке, и договорила, охрипшим от волнения голосом:

– Я не слушала своё сердце и не думала, что во мне моя кровинка, часть меня, дорогой мне человечек, который не виноват ни в чём. Я много допустила ошибок, мучилась сама, мучила тебя. Малыш, наверное, тоже страдал вместе со мной. Но я отвергла навязанное мне и стала Матерью. Мне не важно, какой он родится. Ты не поверишь, как мне сейчас легко оттого, что я приняла его таким, какой он есть.

– Я верю тебе, родная моя, – он нежно поцеловал её в мокрый уголок глаза. – Верю, потому, что нам всем было трудно в эти месяцы. Только я всегда был рядом и не дал бы тебе ступить за ту грань.

– Знаю. Потому и люблю, – Тася обняла и крепко поцеловала мужа.

За воротами раздался шум машины.

– Наши приехали. Пошли встречать, – поднимаясь со скамейки, позвала она.

* * *

В магазине Тася держала в руках крохотные одежки, и сердце трепетало от нежности. Все эти маленькие шапочки, распашонки, ползунки, носочки приводили в умильное состояние. Она не думала, что покупки доставят столько радости. Срок родов врачи определили на август, поэтому купили всё летнее, легкое. Долго выбирали ленту, которой перевязывают в роддоме конверт с ребёнком, наконец, остановились на синей, вышитой аистами.

Так надо

Май выдался не по-весеннему жарким. Тася стала постоянно чувствовать усталость, недомогание. Списывая всё на жару, проводила больше время в саду, в открытой беседке, читала, устроившись в кресле качалке. Через две недели, в июне поехала на очередной профилактический осмотр. УЗИ снова показало плохие результаты. Гинеколога встревожило состояние плаценты: ребёнок, согласно параметрам, практически не вырос из-за недостаточного поступления питательных веществ. Виктория Викторовна решила вновь положить Тасю в стационар. Краевой перинатальный центр закрыли на профилактическую обработку и ей дали направление в первый городской. По дороге она заехала туда.

– Меня направили из женской поликлиники к вам на сохранение, когда вы можете меня принять? – поинтересовалась она в приёмном покое.

Дежурная медсестра перелистала журнал и сказала, что с местами проблема, сегодня всё занято, придётся приехать завтра с утра.

– Вот список вещей, которые нужно иметь при себе, ознакомьтесь.

Тася пробежав глазами по листочку бумаги, подумала: «Ничего нового, стандартный набор, как и везде».

Вечером, когда Саша пришёл с работы, она сообщила, что её снова кладут в стационар.

– Нужно, чтобы малыш ещё подрос, для него сейчас каждый день важен, поэтому буду там находиться столько, сколько необходимо.

Александр, видя, что на этот раз в поведении жены нет ни суеты, ни тревоги, отнёсся к этому спокойно.

В девять часов утра он завёз Тасю в перинатальный центр и уехал на работу. Она сидела в приёмном покое вместе с другими женщинами, которые в основном ложились на плановое кесарево сечение. Она украдкой разглядывала их утомлённые жарой, уставшие за девять месяцев от трудной роли будущей мамы лица. Они сидели, поглаживая большие животы, видно успокаивая стремившихся на свободу малышей. Через складки одежды её живот почти не было видно. Тасе остро захотелось, чтобы скорее наступил август, живот стал таким же большим, как у этих рожениц, малыш подрос и тоже пинался и просился на волю.

Наконец наступила её очередь. Медсестра забрала обменную карту, куда были внесены все анализы и обследования, проведённые за время беременности, сделала записи в соответствующие журналы. Закончив работать с документами, она вышла из-за стойки и пригласила следовать за ней. Они поднялись на лифте на четвёртый этаж. У дежурного поста стоял молодой, русоволосый мужчина в очках.

– Виктор Андреевич! Вот вам ещё одна пациентка, – сказала медсестра приёмного покоя и отдала обменную карту.

– Татьяна, оформи женщину в мою палату, – обратился доктор к дежурной сестре.

– У вас все места заняты. Народу тьма, уже неделю без Краевого центра работаем, – ответила та. Поинтересовавшись, как зовут новенькую, она предложила:

– Тася, давайте я вас пока положу в диагностическую палату. Там, правда, кушетка, но зато прохладно. Как только освободится место в палате, я вас сразу переведу.

– Хорошо, – согласилась Таисья и, прихватив сумку, последовала за ней.

Комнатка, куда её поместили, была небольшой. В противоположном углу, напротив её кушетки, стоял на тумбочке небольшой аппарат КТГ.

– Чтобы никто не мешал, я отгорожу вас ширмой, – хлопотала возле неё улыбающаяся сестричка.

Едва Тася успела устроиться на новом месте, как за ней пришёл Виктор Андреевич и пригласил в смотровой кабинет. В комнате, куда они вошли, находилась молодая женщина – врач. После осмотра Тася в который раз подробно рассказала свою историю. Оба доктора слушали внимательно, иногда задавали наводящие вопросы. Потом Виктор Андреевич сказал коллеге:

– На случай экстренного кесарева сечения необходимо максимально подготовить ребёнка. Тридцать одна неделя всё-таки маловато для созревания организма, особенно дыхательной системы. Я назначу к основному лечению ещё дексаметазон.

– Что это за препарат? – поинтересовалась Тася.

– Это гормон. Он ускорит развитие лёгких.

Тася не была готова к экстренной операции, наоборот, она планировала при помощи лечения сохранить беременность до августа, да и пользоваться гормональными препаратами всегда опасалась. Однако добрые внимательные глаза доктора вызывали доверие. Немного погодя в палату пришла медсестра и сделала ей укол.

На следующее утро её перевели в палату, в которой лежало шесть женщин. Все готовились к родам.

– Что, тоже рожать? – спросила соседка справа. – А животик ещё маленький...

– Что вы! Нам ещё до этого два месяца, – улыбнувшись, ответила Тася. – Мы пришли сюда подрасти.

Назавтра в десять часов утра на обход пришла лечащий врач, пожилая, уставшая женщина. Она внимательно всех осмотрела, измерила давление, проверила листы назначений и, кратко ответив на вопросы, ушла.

Виктор Андреевич, принимавший в первый день Тасю, в последующие дни не обделял её своим вниманием. Через два дня после поступления пригласил на врачебный консилиум. После осмотра он попросил её выйти из комнаты и подождать его за дверью.

Она дождалась, когда он выйдет, и они пошли по направлению к её палате.

– Я внимательно изучил вашу обменную карту, мне не понравилась плацента. Поэтому и занимаюсь вашим обследованием, – заговорил он.

– Как вы думаете, я смогу доносить ребёнка до положенного срока? – поинтересовалась она.

– Всё будет зависеть от самочувствия вашего и ребенка.

– Спасибо, доктор.

– За что?

– За внимание. Если честно, медики, за редким исключением, когда узнавали о моём диагнозе, не особо меня им жаловали.

Назавтра, она понесла в ординаторскую обменную карту, которую брала на консилиум. Услышав через приоткрытую дверь свою фамилию, она замерла: «Неужели снова начнётся то же самое, что и в больнице на Курнатовского? Скажут, что и здесь не лечат тетраплоидию», – с ужасом подумала она.

Постучавшись, вошла в кабинет, положила на стол своему врачу карту и быстро ушла в палату. Часа через два к ней пришла врач-терапевт и сказала:

– Мы обсудили ваше состояние и решили перейти к более серьёзной терапии. С сегодняшнего дня будем капать магнезию в большой дозировке. Процедура довольно болезненная, но придётся потерпеть.

– Что-то с ребёнком не так?

– Про ребёнка ничего сказать не могу, спрашивайте о нём у гинеколога, а я занимаюсь вашим здоровьем. Мне не нравится, что у вас поднимается давление.

– Это у меня видно «синдром белого халата», – махнув рукой, ответила Тася. – Я когда лежала в Краевом перинатальном центре, у меня тоже давление поднималось.

– Хорошо если так, – улыбнулась в ответ доктор. – Но, подстраховаться будет не лишним.

Тася лежала, закусив губу, чтобы не закричать от боли. Ей казалось, что руку в локте, куда капал раствор, сломали. Доктор знала, о чём говорила, когда предупреждала о болезненной процедуре. Она с трудом выдержала, когда закончится раствор во флаконе, и попросила медсестру наложить на место укола компресс, чтобы унять ломоту в руке.

День сегодня был неудачный. На УЗИ специалист, которая смотрела Тасю, сказала, что для срока беременности вес ребёнка маленький – примерно один килограмм двести граммов, видно, плацента плохо выполняет свою функцию.

Тася весь день ходила расстроенная. Вечером, когда вся палата готовилась ко сну, она легла, отвернувшись к стене, накрывшись покрывалом. Её снова охватила тоска, что ничем не может помочь своему малышу. От бессилья она тихо заплакала. Со слезами не заметила, как забылась сном. Проснулась часа в два ночи от сильной, резкой боли в правом подреберье. Боль усиливалась каждую минуту, и вскоре терпеть её стало невыносимо. С трудом поднявшись с кровати, Тася пошла на пост. Дежурная сестра дремала, положив голову на руки.

– Вызовите, пожалуйста, дежурного врача, у меня сильно болит в правом боку, – попросила она.

– Врачи на операции, – сонным голосом ответила сестра.

– Тогда, может, вы как-то мне поможете?

– Без назначения врача ничем помочь не могу.

– Ну, хотя бы, дайте таблетку но-шпы.

– У меня её нет, – уже с раздражением ответила девушка.

– Вы хотите мне сказать, что во всей пятиэтажной больнице нет медика, способного мне помочь? – со злостью спросила Тася.

Сестра равнодушно смотрела на неё, показывая всем видом, что не собирается отвечать.

Ничего не оставалось, как вернуться в палату. Тася взяла телефон и набрала номер мамы. Но она, почему-то была недоступна. «Может, разрядилась батарейка?» – подумала она и позвонила Саше.

– Что случилось? Почему ты не спишь? – встревоженно спросил он.

– Саша, у меня после капельницы сильно болит правый бок, похоже, что-то с печенью. Так болит, что уже нет сил терпеть, – всхлипнув, сказала Тася.

– Врач был? Что сказал?

– Нет, они все на операции. А сестра сказала, что может выполнять лишь назначение врача.

– Ты только не плачь. А какую-нибудь таблетку, чтобы снять боль, она может тебе дать?

– У них на посту ничего нет.

– Я сейчас приеду и подниму на уши всю больницу! – со злостью сказал Александр, услышав тихие рыдания жены в трубку.

– Не надо. Открой интернет, посмотри, какие осложнения могут быть от большой дозы магнезии прокапанной в вену.

– А что сказала Елизавета Петровна?

– Я маме не могла дозвониться, у неё почему-то отключен телефон.

– Тася, скажи что купить, я съезжу в аптеку.

– Ты просто посмотри осложнения, если ничего страшного, то я потерплю, подожду врача. Не приезжай, не оставляй мальчишек одних.

Он открыл интернет, задавал в поисковике вопросы, читал Тасе вслух.

От звука родного голоса ей казалось, что боль проходит.

– Саша, кажется, стало лучше. Ложись спать.

– Ты позвонишь мне ещё?

– Нет, спи. Операция закончилась, скоро должен прийти врач, – она отключила телефон, откинувшись на подушку. «Зря позвонила Саше. Теперь он не уснёт до утра», – пожалела она.

Казалось, утихшая боль, возобновилась с новой силой, в правом боку словно горел огонь. «Надо идти снова на пост, может, врачи и, правда, вышли из операционной», – подумала она и, с трудом поднявшись с кровати, держась за стенки, побрела в полутёмный коридор, в котором на потолке горело две лампочки. На посту никого не было. Не выдержав, Тася встала на колени и положила голову на стоявшую тут же кушетку. Передохнув, она взобралась на неё и, поджав ноги, затихла, стараясь не шевелиться. В коридоре стояла тишина. Все спали. «Так можно умереть и никто к тебе не подойдёт», – с тоской подумала она.

– Что случилось? – вопрос прозвучал неожиданно.

Тася осторожно села. Вгляделась в стоявшую перед ней красивую женщину в белом халате с холодными равнодушными глазами.

– Я себя плохо чувствую. Болит в области печени, может, это реакция на лекарство, что мне сегодня прокапали? – сглотнув сухой комок в горле, шершавым голосом ответила она.

Женщина взглянула на часы, которые висели слева на стене и, поджав губы, небрежно произнесла:

– Не нужно выставлять себе диагноз. Беременным женщинам часто чудятся разные страхи.

– У меня очень болит бок. Сделайте что-нибудь, прокапайте хотя бы но-шпу.

– Идите в палату, к вам сейчас придут, – раздражённо ответила та и ушла.

Тася побрела в палату. Женщины не спали, с тревогой смотрели на неё.

– Что-то мне, девчонки, совсем плохо, – усмехнувшись дрожащими губами, промолвила Тася.

Она легла на кровать, минуты ожидания текли медленно, растягиваясь в часы.

– Что же они там так долго копаются? – встревоженно произнесла одна из соседок по палате. – Может, сходить позвать?

– Подождём, наверное, систему готовит, – отказалась Тася.

Несколько минут спустя пришла медсестра, молча поставила в протянутую руку капельницу. Лекарство начало действовать, боль утихла, и Таисья уснула.

Выбор

Тася проснулась от яркого солнечного света, бившего из приоткрытой шторы в глаза. Отвернувшись к стене, лежала, прислушиваясь к себе. Боли не было. Раздался звонок телефона:

– Как ты, родная? Хотел позвонить раньше, но побоялся тебя разбудить, – голос у Саши был встревоженным.

– У меня всё хорошо! – радостно сообщила она. – После капельницы боль прошла. Сашенька, говорить дольше не могу, тут ко мне пришли, жду вечером, целую, пока, пока.

Медсестра поставила на тумбочку баночку, подписанную её фамилией, и взяла кровь из вены.

– Сегодня суббота, моего врача нет, а вы анализы у меня берёте? – спросила Тася.

– Дежурный врач назначила, поторопитесь, а то в лабораторию не успеете, – ответила сестричка.

«Надо же, эта «снежная королева» оказывается, не забыла обо мне», – с удивлением подумала Таисья. Взяла баночку и ушла в туалет.

Через несколько минут, лёгкая на помине, в палату вошла доктор, дежурившая ночью. Осмотрев всех женщин, подошла к её кровати.

– Вижу, у вас всё нормально, ночные тревоги были напрасными, – с усмешкой произнесла она.

– Спасибо за помощь, боль утихла. Единственно, что беспокоит, утром я сдавала анализы, цвет мочи тёмный, – ответила Тася.

– Вы хотите сказать, что визуально определили наличие в ней эритроцитов? – насмешливо спросила врач.

– Я ничего не хочу утверждать, говорю так, как есть.

Ничего не ответив, «снежная королева» вышла из палаты.

– Разговаривает с нами, словно мы люди второго сорта, – сердито глядя ей вслед, сказала соседка по палате.

– Девчонки, они вчера всю ночь оперировали, устали, не обращайтесь внимания, – защитила её Тася.

– Говорят, наша больница сегодня дежурит, снова врачам достанется работы, – поддержала её одна из женщин.

При виде входившего в палату Виктора Андреевича все замолчали. Сегодня было его дежурство. Он провёл обход и с приветливой улыбкой подошёл к кровати Таси.

– Как вы себя чувствуете? Мне передали по смене, что сегодня ночью у вас был приступ.

– Часа в два ночи появилась резкая боль в правом боку, потом стала усиливаться, невозможно было терпеть. После капельницы прошла. Виктор Андреевич, я сказала дежурившему ночью доктору, что после приступа у меня моча стала тёмного цвета, а она надо мной посмеялась. Я не истеричка какая-то, просто беспокоюсь, что всё это может отразиться на ребёнке.

– А вот тревожиться не нужно, снова давление повысилось, – снимая с руки манжетку тонометра, сказал доктор.

– Я уже говорила терапевту, что у меня, наверное, это «синдром белого халата», – усмехнувшись, ответила она.

– И как это давно у вас?

– В последнюю неделю что-то особенно часто.

– Кровь на анализы сегодня брали?

– Да, утром.

– Значит, буду разбираться, что это за новый синдром у вас появился, – весело улыбувшись, ответил он и ушёл.

А Тасе опять принесли систему с раствором магнезии. Руку снова ломило как вчера, она лежала, закусив нижнюю губу от боли, глядя на медленно капающие капли, ожидая повторения ночного приступа. Но на этот раз пронесло, боль в правом боку не появилась. В двенадцать часов, когда Тася собралась идти в столовую на обед, в палату вошёл серьёзный, совсем не улыбочивый Виктор Андреевич и пригласил её в ординаторскую. Предложив ей сесть напротив своего стола, он открыл обменную карту и положил рядом листочки с анализами.

– Смотрите, как у вас меняется картина крови. Вот этот показатель в десять раз выше нормы, – он обвёл карандашом цифры на бумаге, – вот этот в тридцать, а вот этот в сто раз. Ваш вчерашний приступ, высокое давление и эти результаты анализов говорят о преэклампсии, причём тяжёлой степени.

– Но я же чувствую себя хорошо, – возразила Тася.

– В том-то и коварство данного заболевания. В вашем случае счёт идёт на часы. Промедление грозит развитием эклампсии, а это угроза, как вашей жизни, так и жизни ребёнка. Я уже договорился с операционной. Перед операцией вам необходимо подписать несколько документов.

– Виктор Андреевич! Но он же ещё не вырос, это же большой риск для него!

– Тася! О чём вы говорите? Так у ребёнка хотя бы есть шанс выжить, а если мы протянем ещё немного, шанса не будет ни у вас, ни у него!

Тасю начал бить озноб, словно в комнате температура резко понизилась до минус пятидесяти градусов. Она не могла унять дрожь, зубы стучали, ужас проникал в каждую клеточку тела. Ей снова предлагали выбор между жизнью и смертью, только отвели на это часы, возможно, даже не часы, а минуты.

Видя её состояние, доктор произнёс спокойным голосом:

– Успокойтесь, Тася. У вас есть ещё время, и пока это состояние не угрожает вашему малышу, только вам. Идите к медсестре, скажите, чтобы вас подготовили к экстренному кесареву сечению.

Она поднялась в свою палату.

– Девочки, меня будут экстренно оперировать, – глядя на соседок округлившимися от испуга глазами, произнесла дрожащим голосом.

– Что случилось? – спросила одна из них.

– Вчерашний приступ был не из-за магнезии, у меня развивается тяжёлая степень преэклампсии. Нужно кесарево.

Тася начала собираться. Озноб, начавшийся в ординаторской, не проходил. Она с трудом контролировала себя, чтобы уложить вещи в пакет.

Соседки молчали, смотрели на неё кто испуганно, кто сочувственно.

– Ты родным позвонила? – спросил одна из женщин.

– Нет. Сейчас позвоню.

Она набрала телефон матери и, собравшись, быстро произнесла в трубку:

– Мама, у меня села батарейка, Саша привезёт зарядное вечером, не звони, – и сразу отключила телефон, чтобы дрожащий голос не выдал её состояние.

Звонить мужу вначале не хотела, решила побереечь, сообщить, когда закончится операция. «А вдруг что-то пойдёт не так? И родные никто не будут знать, что я на операции, нет, кто-то один из них должен иметь информацию обо мне», – усомнившись, подумала она.

Оставив вещи в палате Тася пошла в приёмный покой. Ей хотелось во что бы то ни стало увидеть Сашу. Помня, что он на машине, стараясь не зарыдать, она позвонила мужу и попросила срочно приехать.

– Тася, у меня совещание, это может немного подождать?

– Нет, приезжай, это срочно.

Она стояла у окна приёмного покоя, сжимая в руке цепочку с крестиком и обручальное колечко. Рыдания kloкотали в груди. Так страшно, как сейчас, Тасе никогда в жизни не было. Не выдержав, она заплакала, шмыгая носом и вытирая ладошкой слёзы. Громкий скрип тормозов привлёк внимание. Она прижалась к оконному стеклу, увидела, как Саша выскочил из машины и, не закрыв дверцу, побежал к крыльцу. Задавывая рыдания, она поспешно вытерла лицо рукавом халата. Когда открылась дверь и зашёл Александр, по его бледному, осунувшемуся лицу она поняла, что он почувствовал: что-то случилось.

– Меня сейчас будут оперировать, – тихо произнесла она, не двигаясь с места.

Лицо Саши стало землистого цвета, глаза наполнились ужасом.

– Почему? – с трудом спросил он.

И тут Тася ощутила, что страх за мужа мгновенно отрезвил её и помог собрать свои чувства в кулак. Она понимала, что ему ещё добираться до дома и её истерика может привести к катастрофе.

– Так будет лучше для малыша. Успокойся! Всё будет хорошо. Родителям позвони и скажи, что у меня села батарейка, что я позвоню им вечером, когда ты привезёшь зарядное.

– Я останусь и подожду конца операции, – промолвил Саша и сел на кушетку.

Тася присела рядом. Подала ему цепочку и колечко, что держала в ладони.

– Это заberi с собой. Ждать результата кесарева придётся долго. Там всё в порядке очереди, меня даже не начинали готовить к операции. Поезжай домой, мальчишки одни. Мне так будет спокойней.

– Ты сможешь мне позвонить, как только всё закончится?

– Конечно! Девчонки рассказывали, что сейчас такие операции проводят под спинно-мозговой анестезией. Но рано звонка не жди. Где-то ближе к вечеру.

– Как же мне дожить до этого времени! – произнёс он глухо, уткнувшись лицом в ладони.

– Мне пора, – сказала она, вставая с кушетки.

Саша резко поднялся следом и крепко прижал её к себе. Тася уткнулась ему в грудь, вдохнула родной запах и неудержимой лавиной прихлынули слёзы, она чувствовала, ещё чуть-чуть, и они вырвутся на свободу. Тася зажмурила глаза, сжалась, чтобы не закричать в голос, не забиться в истерику. Пospешно поцеловав мужа, она торопливо направилась к лифту, скрывая слёзы, которые уже не могла сдержать.

* * *

После подготовки Тасю перевели в предродовую палату на второй этаж. Она присела на отведённую ей кровать и снова сомнения полезли в голову: «Ошибки врачей уже были, а если и в этот раз ошибка? Вдруг её анализы перепутали с другой женщиной? Я читала и про гистоз, и про предэклампсию, моё состояние не похоже на то, что там описывают», – Тася наклонилась и нажала пальцем на щиколотку. Ямочки от надавливания не осталось – значит, отёков у неё не было, а это был один из главных симптомов при гистозе. «Не удивительно, что у меня скачет давление, мне столько пришлось перенести за это время», – всё больше убеждала себя она. В палату зашёл анестезиолог, принёс подписать ещё какие-то документы.

– Доктор, у меня большие сомнения в том, что мне нужно сейчас делать кесарево сечение. Мне кажется, это ошибка. Я чувствую себя совершенно нормально. Ребёнок совсем

маленький, с низким весом. Если он сейчас родится, у него могут появиться осложнения из-за недоношенности. Мне бы ещё походить беременной недельки три – четыре, – Тася говорила, пытаясь убедить себя и врача в том, что она права. Не выдержав длинного монолога, анестезиолог перебил её вопросом:

– Вы отказываетесь от операции?

– Да!

– Тогда это не ко мне. Вам нужно решать этот вопрос с гинекологами в ординаторской.

Он ушёл. Тася посидела на кровати, пытаясь унять тряску, которая не проходила всё это время. Страх, сомнения – всё переплелось в голове. Тася до животного ужаса боялась операции. Перед глазами вертелись картинки из видеоролика про кесарево сечение, который она отыскала на «You Tube» и посмотрела из любопытства: разрез, кровь, блестящие инструменты, которые засовывали в зияющую рану. – «Всё это будет происходить со мной!» – думала она со страхом. И тут же снова сомнения – «А вдруг это не ошибка?! Под угрозой уже не только жизнь ребёнка, но и моя. Сыновья останутся сиротами, мама с папой просто этого не перенесут. А как же Саша без меня?» – несмотря на волнение, глаза оставались сухими, лишь дышать стало трудно, и всё тело сотрясала дрожь, с которой она никак не могла справиться. Подсказать, как поступить правильно, было некому. За весь период беременности она научилась не доверять врачам. Решение нужно было принимать самой. Единственный правильный выход – надо добиться, чтобы анализы повторили. Она решительно встала и пошла в ординаторскую. Находившейся там женщине-врачу она высказала все свои сомнения. Та молча выслушала её и подала отпечатанный листок. Тася взяла, прочитала – это было заявление об отказе от операции. Она подошла к столу, взяла ручку и подписала.

– Кому мне его передать?

– Идите в палату, отдадите врачу, который вас должен оперировать, – ответила гинеколог.

Тася вернулась в палату, села на кровать перед открытой дверью, свернула бумагу в трубочку и стала ждать, когда придут врачи, чтобы вручить им заявление. Напротив её двери женщина в белом халате остановила уже знакомого ей анестезиолога и громко спросила:

– Операционная свободна? Ребёнка теряем, сердцебиение совсем слабое.

– Свободна. Только что женщина отказалась от операции.

– Повезло, спасём твою дочку, – произнесла врач, обращаясь к стоявшей рядом с ней молоденькой, лет восемнадцати девушке, с красивым, бледным лицом. Девушку увели в операционную.

«Значит, моё решение правильное, если я своим отказом спасла жизнь ребёнку», – подумала Тася, глядя им вслед. В палату вошёл высокий крупный мужчина – заведующий отделением. Увидев его, Тася поднялась с кровати, не замечая, что от волнения смяла скрученное в трубку заявление.

– Николай Николаевич, я чувствую себя хорошо и думаю, что произошла ошибка. Можно ещё раз перепроверить мои анализы? – спросила она.

– Никаких анализов вы пересдавать не будете. Новые нормативы не предполагают повторную пересдачу анализов, – грубо ответил он. – У нас больница сегодня дежурит. Весь поток рожениц идёт к нам. Вы уж, голубушка, решайте быстрее, будете делать кесарево или нет. Нам некогда вас уговаривать. У вас дети есть?

– Двое.

– Им что, мама уже не нужна?

Тася растерявшись от грубого напора, подавленно молчала.

– Вы знаете, сколько в нашей стране стоит пересадка печени? Если честно, я вообще, сомневаюсь, доживёте ли вы до этого момента. Вы не даёте шанса выжить ни себе, ни своему ребёнку, – сказал он, разгневанно глядя на неё.

– Хорошо!

– Что хорошо?

– Я согласна на операцию! – испуганным голосом почти выкрикнула Тася. – Можно, я подпишу документы?

– Если будет свободная операционная и не привезут экстренную роженицу, мы вас прооперируем. Вы своё время упустили, – сердито ответил он.

В палату заглянула девушка в маске.

– Николай Николаевич, вас ждут в операционной, – позвала она.

Доктор молча развернулся и ушёл. Через некоторое время Тасе снова принесли на подпись документы. Она, не раздумывая, всё подписала.

Время тянулось бесконечно медленно. Предродовые палаты быстро заполнялись вновь поступающими роженицами. На каждую из них Тася смотрела как на потенциальную претендентку на операцию, боялась, что кто-то из них займёт её очередь. Страх перед кесаревым сечением стал быстро улечиваться. Она мысленно уговаривала себя, что скоро все её испытания закончатся, все увидят, что её ребёнок совершенно нормальный, и поймут, как ошибались. Что современная медицина способна выходить и не такого кроху. Ей теперь хотелось как можно скорее попасть в операционную, чтобы малыш освободился и перестал страдать от этой дурацкой плаценты. Она не находила себе места, то ложилась на кровать, то поднималась и ходила по коридору, с тревогой глядя на поступающих в предродовые палаты женщин. Тася подходила к каждой новенькой и, глядя на роженицу полубезумными глазами, спрашивала:

– Вы на кесарево? А с каким диагнозом? Услышав «плановое», уходила с довольным видом. Её странное поведение никого не трогало, так как большая часть рожениц тоже была обята страхом перед предстоящими родами.

От частого вставания с кровати волосы растрепались. К стонущим женщинам Тася не испытывала сочувствия, они вызывали у неё только зависть. Она хотела так же стонать, кричать от боли, лишь бы её ребёнку было сорок недель, а потом с крепким, круглолицым малышом на третий или четвёртый день, оказаться дома.

– Какие вы счастливые, – не сдержавшись, с завистью сказала она одной из женщин, корчившейся от схваток. Та посмотрела на неё как на сумасшедшую и отошла в сторону, но Тасе было всё равно, что она о ней подумала.

«Виктория Викторовна говорила, что самое главное доходить до тридцати двух недель, но тридцать одна с половиной неделя – это же почти тридцать две», – убеждала себя Тася, меряя шагами коридор.

Из родильного зала вынесли завернутого в пелёнки малыша, который кряхтел на руках у акушерки.

– «А какой мой ребёнок? Была ли ошибка в том анализе с тетраплоидией? Что ждёт меня через каких-то полчаса?» – со страхом подумала она, глядя им вслед. В этот момент подошла анестезистка и пригласила её в операционную. Ноги сразу стали ватными. Сердце забило где-то в горле.

– Ну, вот и всё, – произнесла она вслух и пошла следом за медсестрой.

В предоперационной санитарочка подала ей шапочку. Тася натянула её на голову, спрятав волосы. Потом трясущимися руками надела на ноги бахилы. Прошла в операционную и с помощью анестезистки взобралась на операционный стол. Анестезиолог поставил укол в спину и помог лечь. Медсестра поставила катетер в вену, подключила к нему систему для переливания, ввела в резиновую трубочку какой-то раствор. Перед лицом Таси появилась металлическая изогнутая под прямым углом стойка, на неё накинули кусок ткани, отгородив голову от остальной части тела.

– Тася, пошевелите пальцами на ногах, – попросил анестезиолог.

– Не могу, ноги, словно брёвна стали, – через силу улыбнувшись, произнесла она.

– Ну, вот и хорошо. Можно работать.

В операционную вошли Николай Николаевич и Виктор Андреевич, одетые в стерильные халаты, перчатки, марлевые маски, оставляющие открытыми только глаза.

– Ну что, бунтарка, как дела? – перегнувшись через дугу и глядя на неё весёлыми глазами, спросил Николай Николаевич.

– Нормально, – испуганно глядя на него, ответила Тася.

– А голос что дрожит?

– Боюсь боли.

– Это зря, у нас самый лучший в городе анестезиолог. Больно не будет, обещает Евгений Петрович?

– Как такой милой даме не пообещать? – ответил тот.

Отвлекая Тасю разговорами, они проворно работали за тканевой завесой, отгораживающей их от её глаз. Она только слышала редкие команды:

– Скальпель, зажим, ещё зажим, тупфер... Боли действительно не было, только чувствовала прикосновение чего-то тупого и слышала металлическое звук инструментов. И вдруг она почувствовала, что из неё что-то вынули и услышала слабый даже не плачь – писк.

– Мальчик, – произнёс мужской голос.

Секунды длились вечность...

– Какой он?! Какой??? – кричала она про себя, стараясь сглотнуть застрявший в горле сухой комок. Наконец с трудом выговорила:

– Виктор Андреевич, скажите, какой он?!

– Нормальный! – радостно произнёс тот. – Только яички в мошонку не опустили, но это дело времени. – Потом он повернулся к неонатологу и спросил: – Какой вес у ребёнка?

– Один килограмм двести шестьдесят грамм, – ответил тот.

– О, так я всего на шестьдесят граммов ошибся, – довольным голосом произнёс доктор. Ребёнка завернули и унесли из операционной.

Тася думала, что когда ей скажут, что ребёнок нормальный, она заплачет. Нет! Зарыдает от счастья. Но слёз не было: то ли от наркоза, то ли от переизбытка чувств они исчезли. Операция продолжалась, с громким стуком падали в подставленный таз инструменты, что-то говорили врачи, а она лежала, блаженно улыбаясь:

– *Мой сын нормальный!!!* – это было счастье, о котором она много месяцев запрещала себе даже думать.

Встреча

Тасю разбудила медсестра, которая пришла ставить обезболивающий укол. Едва она вышла, как следом зашёл улыбающийся Виктор Андреевич. В его глазах светилось удовлетворение от хорошо сделанной работы, что всё выполнено вовремя, опасность миновала и мама с сыном были спасены.

– Как вы себя чувствуете?

– Хорошо! Виктор Андреевич, когда я могу увидеть своего сына? Как он?

– Он в реанимации, на пятом этаже. Пока ничего сказать не могу, я там ещё не был. Вы можете к нему сходить. Мамам разрешено посещение с четырёх часов.

– Спасибо вам за всё. Вы словно предвидели, что операция неизбежна и назначили мне тот гормональный препарат.

– Дексаметазон? Согласен, вовремя вы его получили. Главное, мы успели. Ещё немного и у вас могло быть серьёзное кровотечение, – и, помолчав, добавил. – Ваш сын мог бы с такой плацентой прожить ещё дня два, а у вас оставались до спасения считанные часы.

– Вы – наш ангел хранитель. Не спорьте! – остановила она пытавшегося возразить доктора. – Я многое пережила за эти месяцы. Мы с мужем ездили в женский монастырь, заказывали сорокоуст, чтобы монахини молились о нас. Господь услышал их молитвы и мои тоже, и я уверена, наша с вами встреча не случайна. Он направил вас ко мне, чтобы вы спасли меня и моего сына. Я так вам благодарна!

– Ну что ж, исполнять волю Господа – это прекрасно, – улыбнувшись, произнес он. – Я уверен, теперь всё будет хорошо, выздоравливайте, Тася.

* * *

С трудом дождавшись время свидания, Тася поднялась с кровати. Голова закружилась от слабости, чтобы не упасть, она присела, передохнула и, набравшись сил, держась за стены, осторожно стала добираться до лифта. Поднявшись на пятый этаж, подошла к двери, над которой светила надпись «Реанимационная». До посещения оставалось ещё минут пять. Следом за ней из лифта вышла молодая женщина, которой она вчера уступила очередь на операцию. Тася обрадовалась, что девочку тоже удалось спасти, и она находится там же, где её сын. Двери открыли ровно в четыре. Женщина-врач велела надеть им бахилы, халаты, маски и шапочки и пригласила следовать за собой. С замиранием сердца она шла за доктором. Они подошли к кувезу.

– Искусственную вентиляцию лёгких мы отключили ещё утром, дыхание у ребёнка самостоятельное, подаём кислород в масочку, – рассказывала доктор, снимая пелёнку.

Когда кувез открылся, Тася увидела такого маленького человечка, какого никогда не видела в жизни. У него были маленькие ручки, маленькие ножки, одетые в крохотные носочки. На голове у малыша была надета маленькая синяя шапочка, на лице прозрачная пластиковая маска. Он спал и чему-то улыбался во сне. Словно радовался, что ничто не помешало ему родиться. Тася стояла, глядя на него, и сердце замирало в груди от нежности. Ей не верилось, что это тот малыш с экрана монитора УЗИ, ради которого ей пришлось столько пережить. И волна бесконечного счастья, любви к этому крошке затопила её. Она стояла, борясь с желанием взять его, прижать к груди и целовать, целовать, целовать... Но она не шевельнулась, только жадно смотрела на него запоминая каждую чёрточку, чтобы потом вспоминать о нём в палате, рассказывать родным. Минуты встречи пролетели как мгновение. Подошла врач и сказала:

– Всё, мы теперь будем отдыхать, а мама придёт к нам завтра.

Тася возвращалась в палату, чувствуя, как непреодолимая сила, сила материнской любви тянет её обратно. Она понимала, что не сможет теперь ни одного мгновения жить без него.

Эпилог

Черёмуха зацвела поздно, в начале июня. Два больших куста распустили белые серёжки, наполнив сад медово-сладким, с горчинкой, запахом. Дни стояли тёплые, солнечные, поэтому решили накрыть столы во дворе под открытым небом.

Прошёл год. На именины к младшему сыну Михайловых съехались все близкие родственники и друзья. В саду, наполненном детворой, то и дело раздавался весёлый детский смех.

К Таисье и Александру подошла Ирина с мужем и сыном. Артём с трудом удерживал в руках большую игрушечную лошадку.

– Здравствуйте! – поздоровалась Тася и присела перед Артёмом. – Какой ты стал большой! Давай поставим лошадку и обнимемся.

Черноглазый, смешливый Артёмка, поставил игрушку на дорожку и прижался к своей крёстной.

– А где мой крестник? – спросил Алексей, муж Ирины.

– Вы опоздали с подарком. У него сейчас живая лошадка. Максим посадил Мишу на шею, и они куда-то умчались, – улыбаясь, ответила Тася.

– Ты такая счастливая, вся светишься. А помнишь, говорила мне, что не хочешь расставаться со свободой, путешествиями?

– Мы все ошибаемся, Ирина, главное в жизни – сделать правильный выбор, – вступился за жену Александр.

– Мама, он пошёл! – раздалось у них за спиной радостный крик.

Все обернулись. По дорожке, восторженно сияя глазами, шагал голубоглазый, курносый малыш, за ним протянув руки, страхуя, следовали братья, Максим и Павел.

– Мама! – громко крикнул Миша, увидев Тасю. Она подхватила его на руки и, весело смеясь, целуя, закружила по двору, приговаривая:

– Ты – моё счастье, ты – моя радость, как же я тебя люблю!